

Х.-М. Хашаев
Законы вольных обществ
Дагестана XVII–XIX вв.

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8683945

*Законы вольных обществ XVII–XIX вв.: Архивные материалы. – / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев; отв. ред. Г.-А. Даниялов.: Эпоха; Махачкала; 2007
ISBN 978-5-98390-038-7*

Аннотация

Вниманию читателей предлагается переиздание редкой книги, составленной известным дагестанским историком Х.-М. Хашаевым и вышедшей в 1965 г. в издательстве "Наука" под эгидой Дагфилиала Академии наук СССР. Сборник этот включил архивные материалы, представляющие собой бесценный памятник общественной, социально-экономической жизни, духовной и этической культуры народов Дагестана XVII–XIX вв. и закрепившие обычное право в виде адатов сельских общин, "вольных" обществ. Публикуемые материалы помогают понять природу дагестанского тухума, сельской общины, дают представление о законодательстве некоторых дагестанских владетелей.

В нынешнее время, когда необычайно возрос интерес людей к своей истории, истокам своей духовности и традиций, выработанных духовным потенциалом народа, нормами, устоями совместной жизни, уважительного добрососедства, взаимопонимания, почитания опыта и мудрости старших, эта книга побудит пересмотреть многие взгляды на наше прошлое и взять из него те непреходящие моменты, которые не потеряли своей значимости и в наши дни.

Содержание

Предисловие	5
Тухум	7
Сельская община	9
«Вольные» общества	11
Сведения об Акушах	13
Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным	15
Описание Самурского округа	23
Образ правления до подчинения нашей власти	23
О духовенстве	27
Вознаграждение духовенства	28
О Кайтаге (Уркарахское наибство)	31
Кюринский округ (бывш. Кюринское ханство)	37
Южная Табасарань[54]	41
Сведения о Табасарани	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Законы вольных обществ XVII– XIX вв.: Архивные материалы Составление, предисловие и примечание Х.-М. Хашаева

Текст печатается по изданию:

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965.

Предисловие

Обычное право горцев Северного Кавказа и Дагестана, привлекавшее пристальное внимание видных дореволюционных русских ученых М. М. Ковалевского¹, Ф. И. Леонтовича² и многих других, оставалось до последнего времени вне поля зрения наших юристов, историков и этнографов. Только в 1963 г. по интересующему нас вопросу вышел из печати ценный труд М. О. Косвена³, где уделяется значительное внимание Дагестану. В разное время было опубликовано также несколько небольших работ местных авторов⁴. Этим и исчерпывается изучение дагестанских адатов советскими учеными.

Между тем нельзя не согласиться с В. К. Гардановым, который пишет: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII – начала XIX в.»⁵.

Для изучения истории Дагестана публикация документов обычного права имеет особенно важное значение. Как известно, Дагестан до второй половины XIX в. не представлял собой единого целого в социально-экономическом и политическом отношении. Он был разбит на ряд владений, имевших самостоятельную политическую власть: Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское, Дербентское ханства, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, владения кадия и майсума табасаранских, владения андрей-аульских, аксайских и костековских князей. Кроме того, в нагорной части Дагестана существовало более 60 относительно самостоятельных «вольных» обществ. Каждое из этих политических образований имело свои особенности, свой язык или диалект, свои адаты. Феодальная раздробленность порождала междоусобные войны и вражду между народами. В этой обстановке консервировались пережитки далекой старины.

Присоединение Дагестана к России привело к ликвидации междоусобных войн и созданию в 1860 г. единой администрации для всего Дагестана. В Дагестанской области развернулось строительство дорог и мостов, экономика, находившаяся в застойном состоянии, стала медленно развиваться. В конце XIX – начале XX вв. здесь стали складываться капиталистические отношения. Однако накануне Великой Октябрьской социалистической революции Дагестан оставался одной из отсталых окраин царской России, где трудящиеся находились под двойным гнетом – царизма и местных эксплуататоров. Здесь господствовали феодальные отношения, которые в нагорной части края нередко переплетались с пережитками патриархально-родовых отношений.

Вследствие всего этого до наших дней дошли интереснейшие материалы обычного права в виде адатов разных сельских общин и «вольных обществ», которые не только запоминались, как было принято думать, но и аккуратно записывались на арабском языке.

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1888. т. 1–2.

² Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. Вып. I–II.

³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

⁴ Хашаев Х.-М. Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого). М., 1948; Хашаев Х.-М. и Саидов М.С. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1959; Алибеков Манай. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.

⁵ Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа XVIII – начала XIX вв.//Советская этнография 1963, № 5. С.12.

Публикуемые в сборнике материалы помогают понять природу дагестанского тухума, сельской общины, «вольного» общества и дают представление о законодательстве некоторых феодальных владетелей. Остановимся коротко на этих вопросах⁶.

⁶ Подробнее об этом см. Хашаев Х.-М., *Общественный строй Дагестана в XIX в.* М., 1961. С. 220–242.

Тухум

Дореволюционные историки, этнографы и юристы уподобляли дагестанский тухум XIX в. классическому роду и объявляли Дагестан краем, в котором господствует родовой строй, ошибочно принимая пережитки родовой и патриархальной семейной общины в Дагестане за живое ее бытование. Между тем дагестанский тухум в этот период уже не являлся классическим родом, так как здесь отсутствовала необходимая основа классического рода – родовая собственность на средства производства. Тухум уже не был ни хозяйственной, ни политической единицей. В то же время он не был и семейной общиной.

Как известно, в демократической большой семейной общине существовал семейный совет, в котором на равных правах могли участвовать мужчины и женщины. Перед этим собранием отчитывался глава семьи; собрание принимало окончательное решение, чинило суд над членами общины и т. д. Но самое главное заключалось в том, что в такой архаической большой семье существовала полная общность производства и потребления.

В Дагестане XIX в. об этом не могло быть и речи. Если и существовала нераздельная семья позднейшего типа, то уклад в ней отнюдь не был демократическим. Женщина была придавлена и унижена не только пережитками патриархальных обычаев, но и исламом.

Дагестанский тухум к этому времени представлял собой родственную группу по отцовской линии, которая, вероятно, образовалась в результате распада большой патриархальной семейной общины на малые индивидуальные семьи, сохранявшие между собой экономические и этические связи: взаимопомощь, привилегии родственников на приобретение дома или пахотного участка, расположение в селении домов малых семей в одном квартале.

Таким образом, дагестанский тухум – это лишь пережиточная форма ранее существовавших кровнородственных связей. М. О. Косвен называет его патронимией. «Патронимия, – пишет М. О. Косвен, – возникая и складываясь в условиях патриархально-родового строя и сохраняясь в последующих формациях, имеет сама свою историю и претерпевает вместе с развитием всего общества весьма значительные и глубокие изменения – от ее архаической формы, выражающей ее первоначально-общинную, коллективистическую сущность, до ее распадного и пережиточного состояния»⁷. В этом последнем состоянии мы и застаем тухумы Дагестана в XIX в.

Тухум не имел обычного для настоящего рода тотемного названия, не имел тухумного культа; названия тухумов происходили или от имени какого-либо видного предка, или же от характера прежней деятельности лиц, которые входили в тухум, или же от названия их прежнего места жительства. Как свидетельствуют публикуемые нами документы, в дагестанский тухум могли входить не только родственники, но и лица, происходящие из других тухумов. Таким образом, кровнородственный характер тухума в известной мере был нарушен; тухум XIX в. не знает ни общности производства, ни общности потребления.

Основными характерными чертами дагестанского тухума XIX в. являются: защита члена тухума не всем тухумом, а ближайшими родственниками; отсутствие экономического и политического равенства между отдельными членами тухума; отсутствие тухумной власти; решение дел членов тухума не тухумной организацией или единолично тухумным старейшиной, а администрацией сельской общины, выборными старейшинами, позже (с 60-х годов XIX в., после присоединения к России) сельским старшиной и сельским судом.

Как явствует из публикуемых архивных материалов о тухумах, богатые и сильные тухумы занимали в сельском обществе привилегированное положение. В некоторых обществах только лица из определенных фамилий имели право занимать должность старейшины:

⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 97–98.

так, например, в узденской части Табасарани, в селениях Ругуджа, Храх и Хив старейшины были наследственными. В раятской же части Табасарани тухумы вовсе не имели влияния на общественное управление. Здесь существовали сословия и действовала власть бека.

Почти в каждом селении имелся тухум «лагазал», что значит тухум рабов. Они происходили от бывших военнопленных, превращенных в рабов, но уже освобожденных и успевших обзавестись своим хозяйством наравне с узденями. В 1855 г. в Аварии оставалось всего лишь 30 еще не освобожденных рабов, которыми владели отдельные богатые уздени.

В 60-х годах XIX в. врач Кюринского округа А. Цветков, материалы которого о тухумах мы публикуем, изучил тухумы этого округа и пришел к выводу, что тухум – это «круг родственников, происходящий от одного предка; называется же тухум не только от имени родоначальника, но и по каким-либо случайным обстоятельствам». По свидетельству А. Цветкова, глава тухума не имел никакой принудительной власти, а мог давать только советы. В круг обязанностей тухума не входило оказание помощи бедным членам, они получали лишь некоторую помощь из фонда зеката в сельской мечети. Тухум мог исключить недостойного члена из своей среды; об этом объявлялось в мечети.

В указанный период выкуп за кровь платила семья убийцы, родственники же могли только помочь в уплате, хотя это было необязательно. Более того, родовая месть, как правило, уступила место индивидуальной мести, но отклонение от этого общего правила опять-таки могло быть.

Из описания А. Цветкова видно, какая громадная пропасть лежит между классическим родом и дагестанским туху-мом, хотя отголоски первобытнообщинного строя в тухумной организации Дагестана, бесспорно, имеют место.

Длительное сохранение пережиточных форм родовой организации объясняется рядом специфических условий, которые были присущи обществам нагорного Дагестана, в частности существованием натурального хозяйства, отсутствием централизованной государственной власти, в связи с чем возникала необходимость для защиты личности и имущества не только сохранять узы родства, но и создавать их искусственно (прием в тухум посторонних, молочное родство, добровольное объединение в один тухум выходцев из разных селений при заселении нового аула и т. д.).

Сельская община

Низовой политической организацией Дагестана XIX в. становится сельская община, состоящая из индивидуальных малых семей.

Для дагестанских сельских общин XIX в. характерно господство частной собственности на двор, скот, пахотные и покосные земли и общинной собственности – на выгоны и пастбища.

Кровнородственный принцип расселения был уже нарушен, территориальные связи превалировали над родственными. Основной и решающей причиной распада родовых связей и возникновения территориальных являлась победа частной собственности над собственностью общинной.

Правда, сельская община в Дагестане сохранила некоторые черты родового строя. Народное собрание – джамаат играл большую роль, органы сельского управления составлялись здесь, как правило, по принципу представительства от тухумов. Однако родовая демократия здесь была нарушена, и некоторые богатые тухумы закрепляли за собой право наследственно занимать должности старейшины или кадия.

26 апреля 1868 г. наместником Кавказа было утверждено Положение о сельских управлениях Дагестана. Это Положение в основном сохранило существовавший ранее и естественно сложившийся порядок управления сельскими общинами. Однако оно во многом снизило роль джамаата, в котором от каждого дыма мог теперь участвовать только один представитель, а не все взрослые мужчины. На джамаате формально выбирался старшина, однако кого утвердить старшиной, решал окружной начальник; выборность членов сельских судов сохранилась, количество их определялось от 3 до 5 и более в зависимости от количества населения в сельской общине. Основными вопросами, которые выносились на обсуждение джамаата (до утверждения Положения), были: обеспечение безопасности территории и жителей общин, выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбор суда – маслагата, строгая регламентация сельскохозяйственных работ. Джамаат рассматривал также вопросы, связанные с очисткой оросительных каналов, с проведением новых дорог и исправлением старых, вопросы водопользования, найма общественного пастуха, выборов дибира (муллы), старейшин и в помощь им глашатая.

Подобный порядок управления сельскими общинами существовал во всем нагорном Дагестане, однако в каждом селении были свои особенности, о чем свидетельствуют приводимые нами документы.

Каждое самостоятельное сельское общество или их союз вырабатывали для себя определенные адатные нормы поведения и принимали меры к установлению мира между тухумами. Но адаты в разных обществах были до такой степени различны, что к ним как нельзя более применима поговорка: «Что город, то норы, что деревня, то обычай». Можно только сказать, что маслагатные решения представителей сельских обществ, решения джамаатов и сельских судей послужили источником обычного права, сложившегося в Дагестане.

Дела по шариату решали кадии. В большинстве узденских магалов кадии избирались из людей, знающих шариат и известных своей «ученостью».

Сельская община Дагестана в XIX в. раздиралась классовыми противоречиями, общинники угнетались феодалами, богатой узденской верхушкой и духовенством. Эксплуататорская верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату. Шариат, имея силу закона религии, также отвечал интересам как духовенства, так и других притеснителей.

Царское законодательство открыто требовало от населения соблюдения адатов и шариата.

В Положении об управлении Дагестанской областью, утвержденном 5 апреля 1860 г., говорится, что дагестанский «народный суд» учреждается «для рассмотрения поступающих к нему жалоб по делам, подлежащим разбирательству по адату и шариату, и для постановления по ним решений». В параграфах 47–48 этого положения указано, что окружные «народные суды» и словесные суды при ханах разбирают дела «по местным обычаям туземцев (адату)».

Сельские словесные суды мелкие уголовные и гражданские дела разбирали по адату, а брачные и наследственные дела – по шариату. Этот порядок строго охранялся царизмом. Так называемые народные суды со всей жестокостью обрушивались на каждого, кто посмел отступить от старых обычаев и от шариата. При такой деятельности «народных судов» самые архаические патриархально-феодальные институты не только не проявляли тенденции к исчезновению, но, наоборот, укреплялись.

Адаты поддерживали такие уродливые пережитки родового быта, как кровная месть, выдача замуж малолетних, многоженство, оскорбление женщин и т. д. Царская администрация и местные эксплуататоры всеми силами стремились сохранить пережитки родового строя, разжигали национальную рознь между многочисленными народностями Дагестана и тем самым отвлекали их от классовой борьбы. Адаты Дагестана сохраняли свою силу вплоть до установления Советской власти в стране.

Как мы уже говорили, сельская община в своей деятельности руководствовалась не только адатом, но и шариатом. Ислам пустил в Дагестане настолько глубокие корни, что лицо, отказавшееся от шариатского решения, считалось виновным. Мечетская собственность – вакуф – защищалась как священная; так, Цекубская сельская община взыскивала вакуф силой, если вакуфодержатели сами добровольно не вносили в мечеть продукты, предусмотренные по вакуфу.

Шариат вполне уживался с реакционными архаическими обычаями, придавая им религиозную окраску. Недаром Дагестан при царизме называли страной адата, Корана и кинжала.

«Вольные» общества

«Вольными» обществами в Дагестане назывались объединения нескольких сельских общин и отселков в один союз во главе с крупным и сильным сельским обществом. Принцип образования этих союзов был территориальный – объединялись сельские общества, расположенные близко друг к другу. В свою очередь «вольные» общества могли объединяться в более крупный союз «вольных» обществ. Это случалось тогда, когда угрожала серьезная опасность внешнего нападения. Подобный союз во главе с акушинским кадием постоянно существовал, например, у акушинских даргинцев.

Некоторые историки и этнографы называли «вольные» общества республиками, а их союзы – федеративными республиками и, таким образом, идеализировали их. Они не замечали классовых противоречий в «вольных» обществах, а видимость свободы и демократизма принимали за действительность. Известно, что в основе объединения не всегда лежал принцип федерации. Союзы создавались и конфедеративным способом – сильное общество диктовало свою волю слабым союзникам. Что же касается независимости «вольных» обществ, то она была относительной. Многие «вольные» общества находились под юрисдикцией ханов и становились независимыми от них только тогда, когда ханская власть ослабевала.

Много писали о том, что «вольные» общества представляют собой объединение племен, т. е. их рассматривали как родовые, а не территориальные организации. Этой концепции, в частности, придерживался А. Комаров⁸.

Известно, что «вольные» общества, или объединения сельских общин, образованы по территориальному признаку, так как в состав «вольного» общества входило разноязычное население; границы его и границы распространения племенного языка не всегда совпадали. Население, говорящее на аварском языке, образовывало десятки «вольных» обществ, или в одно «вольное» общество входило население, говорящее на нескольких языках и диалектах. Следовательно, это не племенное объединение, а территориальное.

Следует особо отметить, что соглашения, которые заключались между враждующими лицами и тухумами отдельных сельских общин, а также «вольных» обществ, о прекращении вражды между ними, о дружбе и взаимопомощи являлись важным сдерживающим фактором, содействовавшим сохранению мира среди горцев. При этом устанавливался большой залог, который теряла сторона, допустившая нарушение соглашения. Не менее важную роль в сохранении мира играли суды маслагата (третейские суды), в которых принимали участие признанные населением старцы.

Установлено, что одни «вольные» общества Аварии платили подати и отбывали повинности аварским ханам, другие «вольные» общества когда-то в прошлом имели своих феодалов (общества Гидатль и Кахиб), а затем освободились от них, а третьи общества освободились от феодальной зависимости в период движения горцев под руководством Шамиля. При всем этом нельзя отрицать, что «вольные» общества в отдельные периоды выступали как независимые и самостоятельные объединения и боролись против ханских домогательств.

Известно, например, что оротинцы, каратинцы, андийцы, гумбетовцы и другие не раз отказывались подчиняться аварским ханам, но всегда силой их приводили к покорности. Однако многие «вольные» общества благодаря коллективной защите своих интересов сумели отстоять некоторую независимость от ханов в управлении общинами и в значительной мере обеспечить целостность территории общин.

Что же касается внутреннего режима, то «вольные» общества были раздираемы противоречиями как между отдельными сельскими общинами, которые различались по богатству

⁸ «Записки Кавказского отделения Русского географического общества», Тифлис. Кн. VIII. 1875. С. 6.

и мощи, так и внутри сельских общин, жители которых уже давно разделились на богатых и бедных. Решающее слово в них, как отмечено выше, принадлежало богатым.

Из всего сказанного явствует, что объединения сельских общин – «вольные» общества – в XIX в. не являлись абсолютно независимыми и демократическими образованиями. Они не являлись и родоплеменными организациями, в которых якобы господствовали отношения первобытнообщинного строя и отсутствовали классы и классовая борьба, как утверждали некоторые историки. Напротив, они представляли собой территориальные объединения с наличием классовых противоречий, правда, завуалированных значительными пережитками патриархально-родового быта. Эти пережитки использовались богатой верхушкой в собственных интересах.

* * *

Публикуемые в сборнике материалы извлечены составителем из фонда Кавказской археографической комиссии Центрального Государственного исторического архива Грузинской ССР, из Музея этнографии Грузинской ССР, рукописного фонда ИИЯЛ Дагестанского филиала Академии наук СССР и из частных коллекций. Почти все вошедшие в настоящий сборник документы не только не были опубликованы, но в большинстве своем оставались неизвестными исследователям и не использовались.

Тексты печатаются в полном соответствии с подлинником, однако явные ошибки или опiski в документах по мере возможности выправлены. Встречающийся разноречивый в написании по возможности приводится к наиболее правильному варианту. Документы, написанные по-арабски, приводятся в подлиннике и в русском переводе.

Публикация документов по возможности сопровождается примечаниями, причем дается только самое необходимое для использования данного документа как источника. Более детальное комментирование этих материалов должно составить предмет специальной исследовательской работы. В конце приложен словарь неперевоенных слов и терминов.

Составитель настоящего сборника надеется, что сборник окажется полезным источником для изучения истории и этнографии Дагестана, а также Кавказа вообще. Ряд вошедших в сборник документов может служить источником для изучения колониальной политики царского правительства на Кавказе в конце XIX – начале XX вв. В связи с этим необходимо учитывать, что часть документов сборника имеет ярко тенденциозную окраску, так как они составлялись в основном людьми, принадлежавшими к господствующему классу царской России и являвшимися вольными или невольными проводниками колониальной политики царизма на Кавказе.

В заключение составитель сборника приносит глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук ГрузССР Г. С. Читая, предоставившему в наше распоряжение рукопись адатов бывшего Андийского округа, кандидату юридических наук А. С. Омарову, предоставившему нам русский текст судебного шамхала Тарковского и хана Мехтулинского, кандидату филологических наук М. С. Саидову, лаборанту М. Нурмаго-медову, информаторам М. Омарову из сел. Датуна, Г. Абдурахманову из сел. Сомода, М. Ибрагимову из сел. Тидиб, О. Салихилову из сел. Батлук, которые помогли отыскать, перевести и сверить арабские тексты адатов, лаборанту Л. А. Гавриленко и сотрудникам ЦГИА ГрузССР за помощь в сверке архивных материалов о тухумах.

Х.-М. Хашаев

Сведения об Акушах

1. На акушинском языке тухум называется «дзегала канте». В тухуме считается 15 родственных степеней: 1. Урши (сын); 2. Уршила урши (внук); 3. Дудеш (отец); 4. Дудешла дудеш (отца отец); 5. Удзы(родной брат); 6. Удзыла урши (брата сын); У. Удзыкар (двоюродный брат); 8. Удзы карлаурши (сын двоюродного брата); 9. Кариган (так называют друг друга сыновья двоюродных братьев); 10. Каригаурши(сыновья от детей двоюродных братьев); 11. Гариган (сыновья от кари-гаурши,); 12. Гаригаурши (сыновья гаригана); 13. Барикан (сыновья гари-гаурши); 14. Гарикаурши (сыновья гарикана); 15. Турбильтан (завязывающий шашку) – сын барикаурши, последнее лицо в тухуме. Самое главное лицо в доме есть старший сын, распоряжающийся и управляющий домом, – халал дарга. Старшего лица в тухуме нет; халал дарга при отношении к турбильтану будет таким же турбильтаном. Никто не имеет права отделиться от своего тухума, как палец от руки.

При убийстве братом брата убийца не получает только части имущества убитого, но из тухума не выходит. Родового прозвания тухума в Акушах не имеется, а вообще называются по имени того лица, которое приобрело почему-либо известность в народе, и это название сохраняется до появления нового известного лица. Особыми правами тухумы не пользовались. В прежнее время всегда выбирали кадиями лиц, известных своей ученостью, знанием шариата, и уже при русских начали назначать кадиями неграмотных, так был поставлен Зугум – отец Нур-Багомы-кадия и Нур-Баганд-кадий, не знающие грамоты.

2. В Акуше было 4 карта (шила-холате) (аульные судьи, хулел-карт), составляющие сельское управление (из каждого магала по одному), и кроме их выбирались еще 4 карта – инспектора, они же и администраторы (джамаатла-холате), народные судьи, которые лично не разбирали дел, но проверяли разобранные картами дела и если находили дела неправильно решенными, то собирали джамаат, объявляли ему о неправильных действиях картов (шила-холате) и сменяли недостойных по согласию народа, зарезав предварительно быка у провинившегося карта.

У джамаатла-холате были у каждого в распоряжении по 2 человека джамаатла-барлулес (чауши), которые собирали следующее в пользу мечети из вакфских земель, брали штраф у тех, которые воровали из мечети, не делали дороги к землям вакф, кто не исполнял завещаний своих отцов и не делал поминок на ту сумму, как приказано было в завещании; кто из грамотных людей увозил девушку – брали штраф с того, а с неграмотных штраф брали по распоряжению уже других картов-судей!

У каждого карта-судьи было по 4 человека шила-барлулес, последних было всего 16 человек, и каждый карт мог распорядиться любым шила-барлулес, приказать ему взыскать штраф и пр.

В Акуше был один мангуш, он один имел право передавать все распоряжения картов и кадиев народу, а также если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа, то справлялись об этом через мангуша, который приносил им согласие народа на их решение или же отмену такового. При взыскании с кого-нибудь большого штрафа вместе с несколькими барлулес посылались непременно и мангуш.

При въезде в Акушу, около моста, есть площадка Холарги Кадала Хар, где выбирались только кадии; когда нужно было избрать нового кадия, народ собирался на этой площадке и выделял из себя стариков для совещания – кого избрать. Обыкновенно вопрос этот решался предварительно накануне в небольших кружках, и старики знали уже, кого народ хотел выбрать кадием; когда старики удалялись для совещаний, они оставляли с народом будущего кадия, а потом по совещании посылали к народу мангуша с 2 стариками из своего круга, ассистентами, и мангуш объявлял народу, кто был избран кадием. Если кадий отказы-

вался от выбора, то старики снимали папахи и упрашивали его принять на себя должность, а если и затем он упорствовал и не соглашался, то грозили разорить его дом. На обязанности кадия было разбирать шариатские дела, и больше ничего. У него одного имелась именная печать, и если карты разобрали какое-либо дело своего жителя с жителем постороннего владения и по этому разбору нужно было сообщить что-нибудь правителю того владения, то карты посылали мангуша к кадию, чтобы он написал нужную бумагу.

Шила-холате, кроме разбора дел по адату, ни во что не вмешивались.

Джамаатла-холате были хозяева и администраторы, они следили за неисправностью дорог, мостов и мечетей и проч.

Картов обоих сортов и мангуша выбирали так же, как и кадиев, но на совещаниях стариков принимал участие и кадий, барлулес служили по очереди, каждый житель 1 год; шила-бар-лулес назначались неграмотные, а джамаатла-барлулес – непременно грамотные.

3. Так как кадием выбирался умнейший и ученейший человек, то родовых кадиев быть не могло. Если кадий желал сам вмешиваться в дела, то он мог изменять и адатные решения картов по своему усмотрению, назначать большие штрафы и пр., но обыкновенно кадии уклонялись от таких дел, которые подлежали ведению картов.

Кадий объявлял войну и собирал ополчение, он назначал сотенных командиров и приказывал, по сколько человек должно с каждого двора идти на войну. В важных случаях собиралось поголовное ополчение, всякий могущий носить оружие должен был идти. Кадий непременно должен был командовать войсками и идти в битву впереди всех. Войска довольствовались на собственный счет, брали чуреков из дому, а если чуреков не хватало, то отправляли одного из 10 воинов домой за хлебом, и он доставлял на всех 10 человек чуреков.

4. О делах общественных в Акуше собирались толковать среди селения. О делах всех союзных обществ собирались на Дюз-майдане. Сбор на Дюз-майдане был при настоятельных надобностях иногда 3 и 4 раза в год, а иногда и 2–3 года сборов не было; но почти ежегодно был сбор. Собирались на Дюзмайдане 5 палаток, от 5 обществ: Акушинского, Цудухарского, Усишинского, Мегинского и Мекегинского. Здесь решались дела по поземельным спорам между этими обществами и соседями. Решались вопросы о войне. Когда к акушинскому кадию поступало много жалоб от других обществ, но они не представляли особенной важности, то собирались на площадке Ханц Кала недалеко от Усиши, куда могли не приходить жители тех обществ, которых дела не касались. Сборы бывали обыкновенно по письменным извещениям акушинских кадиев.

5. Так как акушинские общества были весьма сильны и страшны для соседей, то они были в особенном уважении у шамхала и ханов, и отсюда явился адат, что при коронации шамхала все кадии 5 даргинских обществ приглашались на празднество с почетными людьми и акушинский кадий надевал папаху как почетнейший и получал за это коня с седлом. Все бывшие почетные люди на коронации также получали подарки: черкески, бешметы и пр., даже дарили и их нукеров.

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 4, д. 18, дл. 1–2.

Предположительно датируется 50–60-ми годами XIX в.

Автор неизвестен.

Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным

Жители, населяющие Кайтаг, слово «тухум» (род, родство, фамилия) в разговоре заменяют иногда другими однозначными словами: «эвлед», «джине»⁹, «табун-тайпа», «ковм» и «утцы-урми»¹⁰.

Так, например, в Кайтаге, Каракайтаге вместо слова «тухум» употребляют «табун-тайпа»¹¹, в Уркарахе, Кишья, Харбуке, в Кубачах и других деревнях Верхнего Кайтага – «утцы-урми», в Утемише – «джине», в Башлах – «эвлед», в Терекеме – «ковм», но общепотребительное название везде в Кайтаге – «тухум».

Главой тухума считается преимущественно старший по летам или же тот, кто умнее.

Очень часто случается, что старший в роде гораздо хуже знает адаты, чем другой, молодой, к которому члены тухума обращаются за советами и исполняют его приказания.

Прав в отношении членов тухумов глава не имеет ровно никаких; давать наставления, устранять происходившие в семье беспорядки обязан; но исполнение членами тухума советов и приказаний своего главы зависит совершенно от их доброй воли.

Неоднократно случается, что глава тухума приказывает делать одно, а члены его делают совершенно другое, и он не имеет никакого права заставить или наказать их заслушивание.

Впрочем, члены тухума в крайних случаях сами обращаются за советами с просьбой к главе; если его советы и наставления будут соответствованные их желаниям, они слушают и исполняют их, а если нет, оставляют без внимания или выполняют по собственному благоусмотрению.

Все тухумы везде в Кайтаге получили название из деревни по имени своих предков, чем-нибудь прославившихся и отличившихся, например, храбростью, умом, богатством или ученостью и т. п.

Тухум присвоил себе с глубокой древности название по имени знаменитого своего предка и ныне слывет в народе под тем же названием, так, например, с давних времен тухумы: 1) Кара-иби, 2) Кадий, 3) Юнус, 4) Анка и 5) Карахалк (в Башлах) и 6) Акай-лы (в Кубачах); об этих тухумах в памяти народа и ныне сохранились темные предания. Например, о ту-хуме Кара-иби следующее предание: с незапамятных времен янгикентские и маджалисские беки вели борьбу между собою за имущество, выброшенное волнами на берег Каспийского моря (где ныне кайтагские минеральные воды); после долгой и ожесточенной борьбы маджалисский бек был разбит и найденная добыча досталась на долю янгикентского. В этом деле участвовал храбрый Кара-иби, башлинец, со своими приверженцами (он держал сторону янгикентского бека). Здесь Кара-иби особенно отличился и даже был виновником одержанной победы, за что сам поплатился тяжелой раной и вскоре умер. И с тех пор имя его удержал за собой тухум.

Тухуму дано название «Кадий»¹² по следующему поводу: прежде башлинцы жили в семи разных местах, потом по общему соглашению, когда поселились в одном месте (где ныне живут) и образовали одну деревню на общих началах и основаниях, они пожелали иметь у себя хорошо ученого кадия. Но, встретив большое затруднение в его выборе, обра-

⁹ Эти слова есть синонимы слова «тухум».

¹⁰ Эти слова есть синонимы слова «тухум».

¹¹ В разговоре употребляют также в смысле: толпа, большое скопище народа.

¹² Теперь из этого тухума в кадии не выбирают по неимению грамотных.

тились к цудахарцам, которые по просьбе их уважили им одного из кадиев (привезенных в Цудахарию из Аравии завоевателями Дагестана), который, переселившись с своим семейством в Башлы, жил и исполнял требования, желания и просьбы народа. С тех пор его тухум получил название кадия, которое и ныне уцелело.

Анка – это название дано тухуму по следующему случаю: однажды башлинцы удалили из деревни уцмия и место его занял самовольно один бек. Анка, проживавший в это время в Дербенте, узнав об этом, приехал в Башлы и убил бека.

Тухум Юнус назван по имени предка Юнуса, славившегося в народе своим умом, знанием и опытностью, к которому всегда обращались за советами и слушали его беспрекословно.

Тухум Карахалк¹³ получил это название вследствие того, что родственники его – черного цвета, и потому, что занятие их было исключительно земледелие. И, наконец, тухум Акай-лы получил название от своего предка, который был очень богат, умен и храбр. Он особенно отличался при уцмиях Радзи, Амир-Гамзе и Мама, с последним он часто делал набег на Грузию. В Башлах и других местах кроме названных тухумов особо замечательные следующие: 1) Сунгур-бек, 2) Заир-бек, 3) Сутай, 4) в Кубачах – Хаджала-Шахбан, 5) Хаджи-Юсуф, 6) Аю-Каймар, Ях-яла-Аба-кар и Куртала. В Киркия: 7) Акай, 8) Кевха (в Шалак-шилах), 9) Башурты (в Варсите), 10) Гасан-бек (Киркия), 11) Басур (в Кирцыке), 12) Ярдар (в Варсите); в Каракайтаге: 13) Омар (в Джабагнях), 14) Аравлар, 15) Наналар, 16) Панка-Адам, 17) Эльдар-Чопан и 18) Черталар (в Карацане), 19) Канцляр, 20) Ибрагим-Магомед и 21) Чунлы (в Уркарахе), 22) Виштайла, 23) Каабан, 24) Нуградин (в Кишья), 25) Каймалар и 26) Цыца-Магома (в Харбуке), 27) Турмар (в Зубанчах), 28) Исмаил (в Калакорейше).

В Шурканском магале: 29) Кадихан-Омар, 30) Мереле и 31) Магомед (в Джирабачах), 32) Джахвала и 33) Гасан-Магомед (в Лица), 34) Адам и Гуссейн (в Дахнисе), 35) Ника-Маго-ма и Малиц (в Абдашке), 36) Сулейма (в Сураги).

В Гамринском магале: 37) Абдурахман, 38) Заир-бек, 39) Савай, 40) Хаджи-Альбуру, 41) Муртузали, 42) Шихалый, 43) Аюкун-Мирза (в Утемише), 44) Кабан-Хаджи, 45) Абу-Хаджи, 46) Атав, 47) Абдулай-Абдула, 48) Атай-Гаджи, 49) Ким-Кими (в Каякенте), 50) Гамза (в Мюрего), 51) Хусул (в Джабагнях), 52) Ахмед, 53) Уруч (в Джевгате) и 54) Кабани-Магома (в Рука) и др.¹⁴

Родственники считаются принадлежащими тухуму (относительно старшего в роде и в других случаях); в некоторых местах Кайтага – до 4-го и 5-го, а в некоторых – до 7, 8 и даже 9-го колена. Так, например, в Кубачах – до 4-го колена «утцы» – утцы-акай и накла-утцы-кай; дети последнего колена считаются принадлежащими тухуму только номинально: например, если кто-нибудь из них будет убит, то остальные родственники тухума не ищут его крови; точно так же, если из них кто-нибудь убьет кого-нибудь, то они за него не отвечают; общество же как в первом, так и во втором случаях взыскивает с убийц штраф и назначает их канлыями на 1 или на 2 года или же на неопределенное время.

В Каракайтаге, Урчамуле, в Терекеме и в Башлах родственники принадлежащими тухуму считаются до 5-го колена: утцы, утцы-кар¹⁵, кари-кан и гари-ган.

В Гамринском магале – до 6-го колена: кардаш¹⁶, утцы-кар, кари-кан, гари-ган, тури-кан и тергехеус. Дети последнего колена, так же как и в Кубачах, хотя и считаются принадлежащими тухуму, но по убийству кого-нибудь из них и наоборот остальные родственники тухума крови его не ищут и за кровь не отвечают.

¹³ Букв.: «черный народ».

¹⁴ Последние четыре – каракайтагского магала.

¹⁵ В Терекеме: утцы-кар-ашми (двоюродный брат).

¹⁶ В Терекеме, Башлах и Утемише: утцы-кардаш (брат).

В Шурканском магале – до 8-го колена: утцы, утцы-кар, кари-кан, ри-кан, гари-ган и турби-кан.

В Уркарахе, Кишья и Харбуке (вообще в деревнях Верхнего Кайтага) – до 9-го колена: утцы, утцы-кар, карман-гари-ган, бари-кан, кари-кан, гари-ган и турби-кан.

Названия степеней родства на местных языках, например, на каракайтагском и кайтагском: отец – ата, мать – аба, сын – урши или дарга, дочь – рирси, брат – утцы, двоюродный брат – утцы-кар, троюродный – кулиган и т. д., дед – хулах-туа, бабушка – хулаба, или дед аттала-атта, бабушка – аббала-абба, внук – даргома-фуга, правнук – дарга – дарга-даргани, дядя – аттала-утцы, тетка – аббала рицы, племянник (по отцу) – утциля дарга, племянник (по матери) – рыцыля дарга, племянница (по отцу) – утциля-рарси, племянница (по матери) – рицаля-рирси, прадед – аттала-аттала-атта, прабабушка – иббала-аббала-абба.

На кубачинском языке: юцы-абала – сестра, сын – кал, ютцы – внук, канакал – внучка, дочь – вате, юсея – юсе, правнук – кагака-кан, правнучка – юссела-юссела-юссе. Остальные же степени родства на кубачинском языке так же, как и по-кайтагски.

Степени родства на языках, которыми говорят в Башлахе, Утемише и Терекеме: отец – ата, мать – ана, сын – улан, дочь – киз, брат – кардаш, сестра – киз-кардаш¹⁷, дядя – агаси, тетка – икичи, племянник – кардашин-улары, племянница – кардашин-кизы, дедушка – глута, бабушка – улу-акаси, прадедушка – баба, прабабушка – снашкин-анасин-анаси, внуки и правнуки – небе. Обязанностей члены тухума в отношении своего главы не имеют никаких; они слушают и исполняют его приказания или советы по своему благоусмотрению (как и прежде сказано).

Тухумов, которые бы пользовались наследственно особыми правами относительно общественного управления, в Кай-таге не было и нет, кроме Урчамульского магала.

В Урчамульском магале было три тухума, пользовавшихся наследственно [правом] на общественное управление¹⁸, — Кевха (в Шеляншах), Гасан-бек (в Киркия) и Басур (в Карцыке); из этих трех тухумов постоянно выбирались старшины, которым переходило наследственно это право от отца к сыну. По какому случаю этим тухумам предоставлено наследственное¹⁹ право на общественное управление, кем оно предоставлено и когда? Наверное неизвестно. Только об одном тухуме Кевха и сохранилось небольшое и темное предание. С давних времен вблизи деревни Шеляншах была большая деревня Ирцыга, из которой постоянно в военное время выходило 80 всадников – 40 на белых и 40 на вороных лошадях. Во время разорения этой деревни персидским шахом (неизвестно каким) одна женщина с несколькими детьми спаслась бегством и поселилась в сел. Шелянши. С тех пор будто бы тухуму дано название Кевха и наследственное право на общественное управление. Из прежде поименованных тухумов в других частях Кайтага есть много таких, которые хотя не пользовались наследственно [правом] на общественное управление, но из них постоянно выбирались старшины по желанию общества, вследствие того что они пользовались большим уважением и почетом в народе и, кроме того, сами по себе были очень сильны; так, например, тухумы: Омар, Хусул-Ахмед и Галуа (в Джибагнах), Канцляр, Ибрагим-Магомед и Чунлы (в Уркарахе), Виштайла, Каабан и Нуградин (в Кишья), Аравлар, Панка Адам и Наналар (в Карацане), Акайли-Али, Хаджала-Шахбан, Хаджи-Юсуф, Ях-Яла и Куртала (в Кубачах), Казихан и Мерем-Магома (в Джирабачах), Ника-Магома (в Абдашке), Заир-бек, Савай, Хаджи Али-буру и Муртузали (в Утемише), Кара-иби, Юнус, Сутай, Анка (в Башлах) и др. Большая часть из этих тухумов право на выбор в старшины (вследствие уменьшения

¹⁷ Собственно в Терекеме сестра: бадяш.

¹⁸ Родственники тухумов Кевха и Гасан-бека и ныне избраны старшинами, хотя, впрочем, они теперь не пользуются прежними правами.

¹⁹ Одни говорят, что право им дано Абумуслимом, который будто бы вывел их из Аравии, а другие говорят, что персидским шахом.

штата старшин) утратили, а немногие и ныне его удержали, как, например, Омар, Наналар, Исмаил, Акайли-Али, Канцляр, Кара-иби и др.²⁰

На глазах народа по настоящее время не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из родственников отделился добровольно от своего тухума или чтобы тухум кого-нибудь отделил, но адат по этому случаю существует следующий: если, например, кто-нибудь из родственников тухума, будучи очень богат, но бездетен, пожелает, чтобы его наследство перешло в руки другого тухума, он оставляет свой тухум и переходит в другой. Родственник, желающий отделиться, наперед должен взять от общества или уцмий бумагу, за которую обязан заплатить трехлетнего бычка (уцмью или обществу), а своему тухуму – само собою. Со дня получения бумаги он уж больше не принадлежит своему тухуму и живет, где ему вздумается (только не в своем тухуме). Случаи добровольного отделения родственника от своего тухума были очень редки и то только в Урчакульском и Гамринском магалах (например, в Утемише и Киркия), а в остальных местах Кайтага подобных случаев вовсе не существовало. Случаи отделения всем тухумом одного родственника были везде в округе²¹; так, например, если кто-нибудь из членов тухума ведет себя дурно: ворует, убивает, то за него тухум отвечает только до трех раз со стороны мужской и со стороны женской линий, притом ему даются неоднократно наставления об исправлении.

После всего этого, если член тухума не исправляется, его убивают или отделяют. Обряд при отделении родственника обыкновенно совершается следующий: все родственники тухума собираются в определенное место посреди деревни и подле моста, причем присутствуют и посторонние. После долгих совещаний тухум по общему соглашению составляет бумагу²², которую здесь же на месте пишет деревенский кадий и отдает ее отделенному родственнику. Содержание этой бумаги следующее: «Мы, родственники такого-то тухума, отделяем из среды своей такого-то за его дурное поведение, и с этой поры, если его кто-нибудь убьет или он кого-нибудь убьет, то мы за кровь его не отвечаем и его крови искать не будем; обворует ли кого или ограбит – мы также за него не отвечаем, и наоборот; после нас или его если останется какое бы то ни было имущество, мы не имеем на него никакого права, и он также на наше. Кроме того, после сего дня он не имеет права снова войти в состав нашего тухума и быть его членом. В удостоверение чего присягаем на святом Коране и прилагаем свои пальцы. Родственники такой-то и такая-то»²³. Отделенный²⁴ родственник получает от тухума «зоркан-кагат», жертвует на местную мечеть коверчик и отправляется (по адату) в Калакорейш, где прибывает²⁵ гвоздем «зоркан-кагат» к стене большой мечети, жертвует (по адату) один коверчик на калакорейшскую мечеть, а другой – присутствовавшим при этом свидетелям, затем он проживает в Калакорейше или в другом месте – словом, где его примут. В Кубачах даже не существовало и обычая отделять или самому отделяться от тухума. У них если в тухуме попадался дурной человек, они его наказывали и штрафовали до тех, пока он не исправлялся, а если эти меры на него не действовали, его убивали²⁶. До введения наибских управлений в Кайтаге порядок сельского управления существовал на следующих началах: в каждой деревне были члены сельского управления – кадий, старшины²⁷

²⁰ Права и обязанности старшин, выбранных из этих тухумов, исполнять приказания начальника и наиба, как то: назначать лошадей, подводы в случае надобности, взыскивать штрафы и собирать подати.

²¹ Кроме Кубачей.

²² В Башлах, Утемише ее называют «рагам-кагат», в Шурканте – «хумбекла», а в остальных местах Кайтага – «зоркан-кагат».

²³ При этом бывают три или четыре свидетеля из посторонних.

²⁴ При отделении тухум дает (по адату) трехлетнего бычка отделенному родственнику.

²⁵ И ныне уцелели признаки гвоздей, которыми прибывали бумаги.

²⁶ Утемишцы также часто прибегали к этой мере.

²⁷ По-кайтагски «хулель»; «кевха» – на языках, которыми говорят в Башлах, Утемише и Терекеме.

и почетные лица²⁸. Кадиев было в каждой деревне по одному, но на общественном месте при разборе важного дела кадий избирался один (по желанию общества), более знающий и ученее. Число старшин было весьма неопределенно (кроме Урчамульского магала здесь было 3 старшины и 1 кадий); они назначались и выбирались в каждой деревне смотря по ее величине. Так, например, в Каракайтаге всех старшин, имевших право на решение сельских дел, насчитывают 30, в Джибагнах—3, в Карацане—5, в Баршамае—5, в Хадаге—1, в Рука—2, в Карталае—2 и т. д. В Шурканском магале также были старшины в каждой деревне, но с той разницей, что на общественном месте большим уважением и большим правом, чем другие, пользовались всего четыре старшины, чьи решения и приказания исполнялись (впрочем, не всегда) беспрекословно; в Башлах старшин было 6, в Уркарахе—12, в Кишья и Харбуке—по 8, в Кубачах—7, в Утемише—4, у терекемейцев не было старшин и других (кроме кадия) сельских членов; их дела решались беками, а если бекским решением оставались недовольны, ходили в Башлы.

Евреи, находясь под властью беков, также не имели у себя ровнотных сельских управлений, дела их решались беками или в Башлах²⁹. Маловажные и пустые дела обыкновенно разбирались и решались местными сельскими старшинами, почетными лицами или кадиями, если истец и ответчик были одной деревни, а если разных, то спорящие отправлялись к тому старшине, который более известен в народе справедливым судьей и брал меньше рушвету (взятку).

Для дел важных, как, например, по воровству, по убийству, по уводу девушки или женщины, спорящие отправлялись в главные деревни, где дела, относящиеся к адату, решали старшины, а к шариату—кадий. Если истец и ответчик оставались недовольны решением членов главных сельских управлений, они требовали разбора своей жалобы на общественном месте в присутствии кадия, старшин и других почетных лиц всего магала. Тогда все старшины магала, почетные лица по 2, по 3 или по 4 с каждой деревни (иногда целое общество) и кадии собирались в определенное место и подвергали разбору претензии спорящих; если же жалобщики оставались и здесь неудовлетворенными, один или оба, то тогда они ходили к уцмию, брали у него печать и отправлялись в Кишья, где и оканчивали свой спор по уцмиевским адатам, решению которых они не имели права прекословить, а в противном случае общество подвергало их строгому наказанию. Если спорное дело касалось двух деревень или двух магалов, его разбирали на границе спорных мест; а если дело касалось нескольких деревень или 3, 4 магалов, выборные для решений или рассуждений собирались на особые общественные места. На общественных местах и вообще в деревнях кроме кадиев, старшин и почетных лиц были еще и другие члены сельского управления—мангуши³⁰, или чо-уши, и тулгаки, или чильми³¹. На каждый магал было по одному мангушу; они постоянно жили в главных деревнях магала. Так, например, урчамульский мангуш—в Варсите, каракайтагский—в Джибагнах, магала Гапш—в Уркарахе, гамринский—в Утемише³², шурканский—в Лица. Башлы и Кубачи имели у себя особых мангушев, обязанность мангушев была созывать народ на общественные места, взыскивать штрафы и исполнять приказания старшин; в случае надобности они объезжали по деревням магала и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место.

²⁸ Почетный карт и тамада везде в Кайтаге.

²⁹ У них был только один дарга (сборщик доходов).

³⁰ Глашатай, десятский, мангуш (по-кайтагски чоуш)—на языках, которыми говорят в Утемише и Терекеме.

³¹ Надсмотрщики, помощники старшин, чильми (по-кайтагски тулгак)—на языках, [распространенных] в Башлах и Утемише.

³² Было пять: один старший и четыре младших.

Чильми, или тулгаки, были в каждой деревне, число их было не везде одинаково. Так, например, в Башлах—90, из них 60 человек находилось в деревне бессменно, а 30 назначалось поочередно с каждого магала деревни. В Утемише – 40, в Кубачах – 24, в Уркарах – 60³³.

Права и обязанности тулгаков: наблюдать за порядком на общественных местах; выгонять народ на полевые работы; взыскивать штраф (по приказанию старшины) с того, кто оказывается по суду виновным; выгонять из дому канल्या, если родственники его скрывают; с того, кто ослушивался и не исполнял приказания старшин, тулгаки брали в штраф быка или его стоимость. Или если старшины отдают обществу приказания не копать марены, не косить сена или не собирать фруктов раньше определенного дня, а кто-нибудь из жителей ослушивался их приказаний и приступал к работам прежде назначенного времени, то тулгаки немедленно штрафовали ослушников. Или если кто-нибудь пускал свой скот на чужую пастьбу или в сады, обязанность тулгаков – захватить скот и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за потраву. Или если должник долгое время не удовлетворяет своего кредитора, тулгаки взыскивали с него насильно долг и удовлетворяли займодавца. Плата, дававшаяся за общественную службу членам сельского управления, весьма различна. Так, например, в Уркарах кадию давали 2 са (гарнец) пшеницы с дыма, за омовение покойника—1, 2 и 3 руб., за чтение Корана на могиле покойника – 2 или 3 руб., при разделе оставшегося имущества между родственниками умершего кадий получает с 10 руб. – 25 коп. (это везде); при разделе общественного леса или сенокосного места кадию дается большая часть. При совершении кебина кадий получает 20 коп. В Башлах кадий получает 3 кили³⁴ пшеницы с дыма; кроме того, по окончании года ему общество делает угощение, а если не бывает угощения, то прибавляют еще 1 килю пшеницы; за совершение кебина—20 коп., а кто состоятельный – делает угощение. Если кадию приходится идти для совершения кебина в другую деревню, тогда ему дают больше 20 коп., за омовение покойника кадию платят 2 или 3 руб., а мулле – 1 руб. или одеждой. Если кадий на могиле покойника читает У дней (это зависит от желания родственников умершего), платят 5 руб., а если 3 дня—2 руб. За написание бумаги о продаже имущества и об отдаче на откуп кутана, пастбищного места и т. п. кадий получает 1 или 2 руб., Утемишский кадий прежде получал 150 саб пшеницы (ныне 100); в деревне Кичи-Гамри (по адату), кроме того, утемишцы ему дают для засева землю пространством на 10 саб по дороге в Далагара, и еще он пользуется на 4 сабы землею, которая завещана одним утемишцем в пользу кадия. Вода кадию для поливки пахотных мест дается два раза в год вдвойне и без очереди. За написание кадием доверительного акта, присяжного листа, контракта или бумаги на право торговли в деревне и других деловых бумаг кадий получает 4 руб., старшина – 3 руб., старший мангуш – 1 руб., младшие – по 50 коп.; кроме всего этого кадию давалось в год от 8 до 10 руб. деньгами или баранами. В Кубачах кадий, кроме 30 руб. деньгами, ничего не получает. Старшина³⁵ (кроме Башлов и Утемиша) нигде и никакой общественной платы не получал. В Башдах и Утемише каждый магал деревни отводил для своего старшины несколько саб пахотной земли с поливом ее два³⁶ раза в год вдвойне и без очереди; при отдаче на откуп кутана или пастбищного места старшины со 100 или 1000 руб. получают 10 руб. При собрании денег на наем нукеров, если собирают денег более назначенной суммы (более 25 руб.), то остальные деньги поступают в пользу старшин. Тулгаки и мангуши пользовались везде и всегда штрафами. Две части

³³ Во всем Кайтаге до Адиль-уцмийа было 300 тулгаков, а после его смерти— 150.

³⁴ Гарнец.

³⁵ Все члены сельского управления, как-то: кадии, худели, мангуши и тулгаки – не отбывают никаких сельских повинностей.

³⁶ Для поливки проса – три раза в год.

штрафа получали тулгаки, а третью – мангуши. В некоторых же деревнях кроме штрафа пользовались и другой платою, как, например, башлинцы своему мангушу давали лошадь, утемишцы старшему мангушу – быка или его стоимость, а младшим мангушам – по 40 саб пшеницы (ныне 20). Старший мангуш пользовался вдвойне без очереди водой для поливки своих пахотных мест. Уркарахцы своим тулгам давали еженедельно с каждого дыма по одной саб пшеницы, за то тулгаки по окончании года обязаны были делать угощение всему обществу или по крайней мере всем почетным лицам.

Важнейшие из селений, как центральные пункты, около которых собирался народ и имевшие значение и преимущество пред другими деревнями относительно сельского управления, были следующие: в Урчамуле – Варсит, Шурканте, Миша, в Гамринском – Утемиш, в Терекеме – Башлы, в Каракайтаге – Джибагни, в Гапше – Уркарах и в магале Ганк–Кубачи и Кишья; последняя деревня имела особенно большое значение (в Кайтаге), потому что в ней хранились уцмиевские адаты. В названные деревни спорящие других деревень магала очень часто приходили для разбора своих претензий, если они оставались недовольны решением местного сельского управления; кроме названных деревень кайтагцы имели у себя (каждый ма-гал отдельно) особенные места, куда они собирались для рассуждений или решений по общественным делам. Так, например, каракайташцы собирались на возвышенном месте вблизи деревни Кулаги, называемом «Гули-Гули-Гадда»; урчамульцы – на ровном и большом месте между селениями Варсит и Киркия, называемом «Декаллашара»; шурканцы – на возвышенном месте вблизи деревни Лища «Мукрукат»; уркарахцы – на возвышенном месте «Аф-Ка»³⁷; это место служило общественной сходкой для трех магалов – Гапша, Ганка и Утцари. Маринцы собирались на месте «Канайла-Хаб», катагентцы – на «Межгили». Здесь также собирались жители Урчамульского, Каракайтагского и Шурканского магалов для рассуждений и решений по общественным делам. Башлинцы собирались в деревне подле большой мечети; кубачинцы также посреди деревни, в доме «Чанада-кан». Деревни Уркарах, Харбук, Кишья по маловажным делам собирались на место, называемое «Каканец». Жители Гамринского магала собирались по общественным делам на «Ашлаб-тене»³⁸; если на этом месте жалобщики оставались недовольны решением старшин, кадия и других выборных лиц, они отправлялись в Башлы, Губден или Кара-будагкент³⁹.

Так как перед отправлением между истцом и ответчиком нередко бывал спор о том, в какую идти из названных деревень, то они во избежание спора бросали жребий, и чей жребий и с чьим именем деревни первый выпадал, туда и шли. Кроме того, они брали от общества к обществу бумагу, в которой излагалась подробно их жалоба.

Кроме названных мест все жители Уцми-дарго (Верхний и Нижний Кайтаг) в очень важных случаях, как, например, по убийству важного лица, или о притеснении сильным тухумом слабого, или о собрании войск для защиты края от внешних врагов, собирались на «семе»⁴⁰ Джин-Такер⁴¹, на котором присутствовали все старшины, кадии, почтенные лица и уцмий. Перед разбором дел от каждого магала назначалось несколько человек тулгаков смотреть за порядком. Эти же тулгаки по приказанию уцмий и других присутствовавших на семе лиц рассылались для наказаний виновных и взыскания с них штрафов. Если здесь дело не оканчивалось [на этом текст обрывается].

³⁷ Возвышенное место вблизи сел. Уркарах; оно прилегает к левой стороне дороги, идущей из Уркараха в Маджалис.

³⁸ Долина, занимающая большое пространство вблизи деревни, по дороге в Варсит.

³⁹ Не получив удовлетворения в этих деревнях, отправлялись в Кишья.

⁴⁰ Возвышенное место.

⁴¹ Обширная долина, расположенная вблизи сел. Маджалис; она окаймлена небольшим лесом и с одной стороны орошена рекой Улу-чай (ныне она под сенокосом).

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 4, д. 13, лл. 1—18.

Предположительно датируется 50—60-ми годами XIX в.

Автор неизвестен.

В рукописи много явных ошибок, которые в нашей публикации по возможности устранены.

Описание Самурского округа

Образ правления до подчинения нашей власти

До присоединения к России населенное пространство, составляющее теперешний Самурский округ, – за исключением горного магала – называлось Самурскою провинцией (Самур веляят), главным пунктом которой было селение Ахты.

Вся Самурская провинция делилась на 5 участков.

1. Ахты-пара первая состояла из 12 селений: Ахты, Кхем, Хуля, Тра, Гогаз, Усур, Кака, Гдунг, Кочах, Мидфах, Сумугул и Хал.

2. Ахты-пара вторая состояла из 5 селений: Хнов, Борч, Гдым, Маза и Фий.

3. Рутул-чай состоял из 18 селений: Рутул, Хрюк, Зрых, Хулют, Киче, Кахул, Иче, Лукун, Икрах, Кала, Амсар, Лучек, Шиназ, Чруш, Пилек, Уна, Кина и Хунук.

4. Токуз-пара состояла из 9 селений: Джаба, Балуджа, Джиг-Дхиг, Ихир, Пиркент, Ухул, Филидзах, Храх и Яжиг.

5. Алты-пара состояла из 6 селений: Микрах, Каракюра, Куруш, Пиркент, Мака и Кала-джиг.

Кроме тех 5 участков в состав Самурской провинции входило селение Мискинджи и некоторым образом теперешнее Ихрекское наибство. Селение Мискинджи представляло совершенно отдельно организованное общество, управлявшееся своим судом, и только как находившееся в районе Самурской провинции причислялось к участку Токуз-пара. Нынешнее же Ихрекское наибство хотя и находилось под властью Сурхай-ханов казикумухских, но жители его, прозываясь братьями населения Самурской провинции, пособляли ему в войне против всех соседей. Казикумухские ханы не препятствовали им в этом, так как и сами часто пользовались пособием самурцев в войне их с кубинскими и нухинскими ханами.

Каждый из сказанных 5 участков провинции управлялся отдельно.

Весь первый участок (Ахты-пара 1-я) управлялся ахтынскими аксакалами. Преимущества ахтынцев перед прочими жителями 1-го участка состояли в том, что: а) без ахтынских меслегетчи (посредников) жители всех селений участка не имели права разбирать обоюдных претензий своих, б) по первому востребованию ахтынцев должны были являться на помощь в войне⁴² в) проверялись ахтынскими аксакалами и эфендиями относительно исполнения зеката (прим. 1), d) отбывали пахту (прим. 2) и е) сами платили за кровь 300 руб., т. е. баранов, а брали с жителей подчиненного им участка 600 баранов (прим. 3).

Независимо от сказанных пяти условий господства ахтынцев над 11 селениями первого участка Самурской провинции ахтынцы пользовались еще двумя преимуществами, из которых одно касалось пределов всей провинции, а другое имело место относительно всего Дагестана и Закавказского края. Первое касалось меслегета и обуславливалось тем, что если жители какого бы то ни было селения Самурской провинции (кроме, конечно, 1-го участка оной) обращались за посредничеством в Ахты и получали отказ, то уже не могли найти посредников во всей провинции на том основании, что, стало быть, дело крайне напутанное или же нечестное, ежели ахтынцы – самые умные и самые старшие из братьев-самурцев – отказались от участия в этом деле.

Второе было так называемое барху и состояло в том, что кто бы и откуда бы он ни был, коль скоро брал себе в жены одну из ахтынских девиц, то сверх исполнения всех условий

⁴² В свою очередь каждое из селений этого участка имело право на обязательную защиту ахтынцев.

шариата и адата, касавшихся брака, еще должен был вносить 3 руб. или вещей на эту сумму в пользу того сельского магала, к которому принадлежала невеста, если была девица. Здесь, как и в остальном Дагестане, семейство с восходящими, нисходящими и побочными линиями составляет тухум.

В прежнее время всех тухумов в Ахтах было сорок. Из каждого ахтынского тухума избирался самым же данным тухумом один аксакал, и эти выборные, в числе 40, управляли всеми общественными делами как ахтынцев, так и жителей всех 11 селений, составлявших 1-й участок Самурской провинции. Это управление распространялось и на военные движения, в которых также принимали распорядительное участие эфенди и кази. Срок службы каждого аксакала ограничивался только желанием его тухума. Звание аксакала было наследственное в 1-м участке Самурской провинции, в прямой нисходящей линии, пока были в ней способные к тому люди; если таковых в прямой линии не оказывалось, то выбирался родственник бывшего аксакала из боковой нисходящей линии; если же и при этом условии не оказывалось человека, способного быть правителем, тогда выбор падал на члена другой фамилии, но того же тухума. Таким образом, одна наследственность не давала права быть аксакалом; кроме того, требовалось и согласие тухума на выбор преемника.

Все вознаграждение ахтынских аксакалов за их службу обществу ограничивалось тем, что: 1) общество обязано было давать им лошадей, ежели они предпринимали поездку в видах общественной пользы, 2) непременно все приглашались на свадьбы и поминания, имея при этом право приводить с собою и одного из домочадцев своих, и 3) после разбора дел о крови каждый из аксакалов той стороны Ахтов (селение делится рекою Ахтычай на две половины), в которой проживал обвиненный, получал от удовлетворяемого по суду истца какую-нибудь вещь из оружия или посуды и кусок ткани, называемой «бурмет», на архалук. При этом соблюдалось, чтобы в сложности ценность вещей, розданных каждому аксакалу, была одинаковою. В таких случаях подобному же наделу подлежал и эфенди (прим. 4).

В самих Ахтах были и ближайшие исполнители правительских решений, именно чоуши, числом 2, по одному на каждой стороне Ахтов. Так как во всех селениях 1-го участка Самурской провинции не было ни аксакалов, ни чоушей, то чоуши ахтынские в случае надобности посылались в селения того участка, которым, как уже сказано, во всех отношениях управляли ахтынские аксакалы.

Ахтынские чоуши избирались аксакалами, и выбор их должен был быть одобрен обществом. За службу свою они получали: 1) от общества по 1 быку в год; 2) при каждой свадьбе и при каждом поминании они являлись за маслом, мясом, крупкою и дровами; все это отпускалось им в незначительном количестве тем семейством, в котором совершался один из сказанных обрядов; 3) при наделе аксакалов и эфендия после разбора дела о крови в Ахтах наделялись и чоуши; каждый из них получал какие-нибудь вещи ценою на 3 руб., т. е. в 3 барана (следует прим. 5).

Отчасти главным пунктом 2-й Ахты-пары было селение Хнов. Каждое из 5 селений, составлявших этот 2-й участок провинции, имело своих правителей – аксакалов и чоушей. В Хнове и Гдыме, как и в Ахтах, каждый тухум избирал своего аксакала, а в 3 остальных селениях участка число аксакалов соответствовало не числу тухумов, а вообще народонаселению, соображаясь, однако, с тем, чтобы приблизительно на каждые 20 дымов приходился 1 аксакал, избиравшийся из более достойных людей.

Участок этот относился к Ахтам двояким образом: 1) в случае войны ахтынцев с кем бы то ни было жители 2-й Ахты-пары должны были пособлять ахтынцам и за то в случае подобном же пользовались обязательною защитою ахтынцев; 2) если взаимные недоразумения жителей этого участка не могли решиться домашним судом, то разрешались посредничеством ахтынских аксакалов.

Все 5 селений этого участка имели по 1 чоушу.

В обоюдных сношениях Гдым некоторым образом подчинялся Хнову; подчиненность эту объясняют тою, какая существует теперь в каждом селении магала относительно своего наиба независимо от общей с ним подчиненности начальнику округа.

Борч и Хнов очень часто воевали между собою, и в таких случаях ни одна сторона не пользовалась пособием ахтынцев, как одинаково относившихся к обеим враждовавшим сторонам.

Наследственность аксакалов в Хнове была такая же, как и в Ахтах. Вознаграждения за службу не получали никакого, даже и при разборе дел о крови. Что же касается хновского чо-уша, то как выбор его, так и вознаграждение были такие же, как и в Ахтах.

В остальных 4 селениях этого участка аксакальство не было наследственным; правителями избирались люди, известные своею правдивостью и опытностью. Служба их, как и в Хнове, не вознаграждалась ничем.

Чоуши этих 4 селений избирались по-ахтынски, но не получали ежегодно по 1 быку от общества и трехрублевого пая при разборе дел о крови, как это было в Ахтах, а имели только право на такие же поборы при обрядах свадьбы и поминовения, как и в Ахтах.

Зекат, как шариатское постановление, соблюдался и в этом участке провинции, но не подлежал никакому контролю.

Пахты и барху не было.

В 3-м участке провинции главным пунктом был Рутул. За исключением Шиназа, Калы, Уны, Амсара и Хрюка, селения этого участка относились к Рутулу, как селения 1-й Ахты-пары и Ахтам. Из исключаемых же селений, не дававших Рутулу пахты, Шиназ не делал этого как настолько большое само по себе селение, что могло отстаивать свою самостоятельность в этом отношении, а Кала, Уна и Амсар не отбывали пахты, глядя на Шиназ, к которому они относились, как Гдым к Хнову во 2-й Ахты-паре. Последствия же попытки Хрюка отказать рутульцам в пахте изложены в прим. 5.

Соблюдение рутульцами обычая пахты было особенно тягостно для жителей подчиненного им участка провинции как потому, что они пользовались этим правом гораздо усерднее ахтынцев, так и оттого, что обычай пахты принял в этом участке гораздо более обширные размеры (следует прим. 6). Так, например, рутульцы, отправляясь для пахты в данное селение своего участка партиями от 100 до 300 человек, гостили по трое суток, и мало того что требовали себе отборную пищу, но и принуждали кормить своих лошадей в 3У раза более, чем того требовали ахтынцы. Независимо от угощения рутульцы брали при этом по одному барану с каждого дыма того селения, куда приезжали для пахты. Вдобавок, как подобно ахтынцам, и рутульцы имели право соблюдать пахту только один раз в год, то за тот год, в который они не были для пахты в данном селении, они все-таки в нем брали по одному барану с каждого дыма. Селения этого участка, отказывавшие Рутулу в пахте, относились к нему так, как 2-я Ахты-пара к Ахтам. За отказ в пахте Рутул часто воевал с Шиназом и Хрюком, и в таких случаях все остальные селения участка должны были помогать Рутулу, причем, однако, Амсар и Лучек всегда старались быть нейтральными, а Уна и Кала помогали шиназцам; Хрюк же всегда воевал с Рутулом вплоть до сожжения, без всякой помощи.

В Рутуле был диван, состоявший из аксакалов, в числе которых всегда должен был быть и один бек.

(Узнаю о происхождении рутульских беков и сообщу.)

Число аксакалов было по числу тухумов. Чоуш был один. Вообще как выбор, так и вознаграждение тех и других были такие же, как и в Ахтах.

Рутульский диван управлял всеми общественными делами участка (по примеру ахтынских аксакалов в 1-м участке), кроме, впрочем, Шиназа и Хрюка, у которых был свой суд, т. е. свои аксакалы. Было у них и по одному чоушу.

Выбор аксакалов и чоушей, а также и вознаграждение их в этих двух селениях были такие же, как и во 2-й Ахты-паре (в 4 селениях), кроме Хнова, где это было иначе, как о том и сказано.

Рутульцы кроме побора баранов при пахте брали еще вроде подати по одному барану в год с каждого дыма селений, отбывавших пахту.

Зекат тоже соблюдался и в этом участке, но не контролировался никем. Барху не было.

4-й участок провинции был Токуз-пара, и главным пунктом в нем было селение Джаба.

Преимущество этого селения перед остальными восемью участками состояло: 1) в обязанности всех селений участка пособлять джабинцам в их постоянной почти войне с ахтынцами, 2) в многолюдности Джабы и 3) в том, что для обсуждения дел, касавшихся всего участка, аксакалы всех селений должны были собираться в Джабу.

Каждое селение участка имело своих аксакалов, выбиравшихся точно так же, как в Борче, Фие и Мазе – селениях 2-го участка провинции. Вознаграждение же аксакалов за службу состояло только в первенстве при сходах всякого рода и в том, что, как и в Ахтах, они все приглашались на свадьбы и поминовения, имея при этом право приводить туда и одного из домочадцев своих.

Чоушей в селениях этого участка не было, как и барху. Зекат не проверялся никем.

5-й участок – Алты-пара. Главный пункт – Микрах. Считался он главным потому только, что для обсуждения общественных дел участка аксакалы всех селений должны были собираться в Микрах, как в предыдущем участке, – в Джабу. Микрах, Каракюра и Куруш имели своих аксакалов и по одному чоушу; что же касается остальных селений участка, то Пиркент и Каладжиг управлялись не микрахскими аксакалами, а мака-каракюринскими. Аксакалы в первых трех селениях выбирались не от тухумов, а от сельских магалов. Вознаграждение их было точно такое же, как и в предыдущем Токуз-паринском участке.

Чоушей и барху не было. Зекат не подлежал никакому контролю. (Следуют прим. У, 8, 9).

Тоже как бы часть Самурской провинции (хотя и совершенно отдельную, как я уже сказал) составляло селение Мискинджи.

В нем было 260 дымов, и оно делилось на 6 сельских магалов, из которых избиралось по 1 аксакалу в правители. Все дела общества решались на месте без всякого постороннего вмешательства.

Выбор аксакалов производился точно так же, как и во всем Токуз-паринском участке, к которому, по местности только, причислялись и Мискинджи.

Вознаграждение аксакалов состояло тоже только в одном первенстве при всяких сходах. Был там и один чоуш, который избирался аксакалами, утверждался целым обществом и в вознаграждение за службу получал только пай мяса, масла, круп и дров при обрядах свадьбы и поминовения.

Барху было и в Мискинджах, так же как и в Ахтах, но обуславливалось платою не 3 руб. в сельский магал, к которому принадлежала невеста-девица, а отдачею быка в тот магал. Несмотря на постоянную почти войну и различие вероисповеданий ахтынцев и мискинджинцев, браки заключались меж ними очень часто и сопровождались обоюдною платою барху. (Следует прим. 10).

О духовенстве

Самый высокий духовный сан был, как и есть, кази. Их было во всей Самурской провинции только 4 – в Рутуле, Ахтах, Хнове и Шиназе. Более их не было потому, что народ, от которого зависело иметь кази или не иметь его, не желал этих господ. 100 лет тому назад высшие духовные сановники в провинции были эфенди; так как в шариате сказано, что следует иметь казиев, то вышеназванные 4 селения и выбрали их из числа ученых и достойнейших эфендиев.

Ахтынскому казию в делах, подлежащих разбору подобного лица, подчинялись обе Ахты-пары, не исключая и Хнова, который хотя имел своего казиза, но который считался менее влиятельным, нежели ахтынский. Тем не менее Хнов ближайшим образом подчинялся своему казию. Рутульскому – все те селения участка, которые отбывали пахту. Шиназскому – Шиназ, Уна и Кала. Амсар же хотя и не отбывал рутульцам пахты, но в делах шариата подчинялся суду рутульского казиза.

Несмотря на разграничение зависимости от данного казиза, тяжущиеся, кто бы и откуда бы они ни были, имели право судиться у любого казиза, и всегда недовольная решением его сторона могла переносить дело к другому казию, объявляя ему при этом ту статью шариата, на основании которой решено дело прежним казием.

Эфендиев было в провинции столько, сколько оказывалось мулл, достойных быть избранными в этот высокий сан. Впрочем, число их в провинции никогда не превышало 30. Выбор муллы в эфенди не обязывал его переменять место жительства; он оставался там же эфендием, где был и муллою. Мулла в каждом селении было столько, сколько мечетей.

Казиз, как верховное лицо, не присутствовал в аксакальском суде, а разбирал дела у себя. Эфенди же присутствовали на правительских сходках. В Ахтах их являлось поочередно по два человека, по одному с каждой стороны Ахтов; в Рутуле же, Шиназе и Хнове – по одному. Пока не было казиев, их правами пользовались эфенди; в свою очередь где не было эфендиев, там иногда обязанности их выполняли особенно выдающиеся муллы, особенно если обе тяжущиеся стороны заранее согласны были на решение данного муллы. Вообще же муллы исполняли только требы, а в делах управления не принимали участия.

Как муллы, так и эфенди избирались обществом и обязательно утверждались казием. При этом эфенди испытывались казием в степени их знания, получали от него благословение, и тут же казий определял по степени учености данного эфендия важность дел, которые могли подлежать разбирательству этого данного эфендия.

В пятницы и дни больших праздников богослужение в Джума-мечети отправляли казии; если их где не было, то по очереди эфенди; где же и их не было, там это делали те из мулл, которые были постарше годами и славились лучшею жизнью.

В Мискинджах казиза не было. Везде в провинции эфенди назывались эфендиями, а в Мискинджах был только один эфенди и назывался ахундом. Муллы тоже были по числу мечетей.

Вознаграждение духовенства

По тэрике. При решении дел по наследству кази получал самое большое 2 со 100 и из этого дохода уделял по произволу часть тому или тем эфендиям, которые, независимо от казия, были приглашены на тэрике. Если не было неудовольствия со стороны лиц, деливших наследство, то решение эфендия было так же окончательно, как и решение казия. Недовольные судом эфендия отправлялись к казию; тот переследовал дело и если находил, что данный эфенди решил правильно, то мог получить пай вознаграждения, отданный уже судившему эфендию, в том только случае, если соглашался на то сам эфенди; если же кази находил, что дело решено неправильно, то деньги получал сам; в таком случае, если плата установленная была уже отдана эфендию, то отнималась обратно и передавалась казию. Процент в пользу эфендия был такой же, как и в пользу казия.

По кебину. За совершение кебина обязательная плата как казию, так эфендию и мулле — 50 коп. По шариату, девушка-сирота, не имеющая ближайшего родственника, или же если он и есть, но в дальней отлучке, не менее как в 2 днях дороги, непременно должна быть венчана казием. В таких случаях кази заменяет ей векила, как и тогда, если векил не согласен выдать ее за человека, ею же избранного; тогда кази предлагает векилу согласиться на кебин и в случае отказа устраняет векила и венчает ее не только уже как кази, но и как векил.

По зекату. Все духовные лица, как и вообще бедные миряне, получали от зеката столько, сколько кто из богатых пожелал им дать.

Пока довольно. Не взыщите, Василий Семенович, за небрежное поведение моего помела. Ей же богу некогда.

Примечание 1. Зекат (шариатское постановление) состоит из ежегодного взноса известного процента богатым в пользу бедного. Процент взимался со всякого рода предметов достатка, но не одинаковый. Так, например, с предметов производительности земли взимался 10-й процент, со 100 баранов—1, с мануфактурных же предметов торговли и из денег—2 $\frac{1}{2}\%$ со 100.

Относительно зеката преимущество ахтынцев заключалось в том, что они имели право требовать исполнения его в пользу своих бедных. При этом, однако, они ограничивались только побором определенного процента с одних баранов, и то оставляли у себя только третью или четвертую часть побора, а остальное оставалось за обществом данного селения, внесшего зекат, для раздачи своим неимущим. Время зекатного сбора – по преимуществу осень. Сбор мог быть употреблен не только в пользу бедных, но и общественных нужд, особенно же по поводу войны.

Примечание 2. Каждый из ахтынцев один раз в год имел право ехать в гости в любое из селений 1-го участка провинции, и вот они вчистую и отправлялись партиями от 100–500 человек да и гостили в данном селении целые сутки. Хозяева домов, в которых размещались гости, обязаны были особенно хорошо кормить не только их, но и лошадей их. Гость не имел права оставаться в том же селении на другой ночлег в том же году. Обычай пахты относился к селению, а не к числу жителей его. Ахтынец, не побывавший в течение года для пахты в каком-либо селении 1-го участка, если и приезжал туда в следующем году, то за минувший год не брал с общества того селения никакого побора.

Примечание 3. Таким образом решались дела о крови только в 1-м участке провинции. За убийство ахтынцем кого бы то ни было из жителей 1-го участка кроме ахтынцев же он подлежал половинной уплате за кровь, а если кто бы то ни было из жителей того же участка убивал ахтынца, то платил полную плату, которая взималась и тогда, если дело было меж двумя или более ахтынцами же или же меж жителями остальных равноправных селений 1-го участка.

Примечание 4. Таков был порядок вознаграждения аксакалов за суд по делу о крови, если происшествие было в Ахтах. Касательно же всех других селений 1-го участка дело было так, что тяжущиеся по всякого рода претензиям обращались за разбором в Ахты, кроме только дел о крови. В последнем случае суд в количестве 10 аксакалов и одного эфендия поочередно отправлялся из Ах-тов на место происшествия.

Примечание 5. В числе селений, составлявших 1-й участок Самурской провинции, названы: Гогаз, Усур и Кака. Много лет назад прежде завоевания края Россиею селения те принадлежали Рутулу, т. е. относились к нему так, как 1-й участок провинции к Ахтам.

Во время одной из войн Рутула с Хрюком за отказ последнего в пахте Рутул обратился за помощью к ахтынцам. Те охотно согласились пособить не столько из-за предложенного рутульцами вознаграждения, сколько из-за желания наказать хрюкцев за отказ рутульцам отбывать пахту, благо если бы это сошло хрюкцам безнаказанно, то подобным же примером могли увлечься и селения 1-го участка, в свою очередь обязанные пахтою относительно ахтынцев. Результатом войны, в которой, между прочим, легло и 12 ахтынцев, было сожжение Хрюка. Так как рутульцы, прося участия ахтынцев в войне, обещали им дать лесистый склон горы, принадлежащий Хрюку и отделявший 1-й участок провинции от 3-го, рутульского, то по окончании войны ахтынцы тем более настаивали на исполнении условия, что в войне той легло их 12 человек, т. е. что имели право требовать вознаграждения за кровь. Рутульцы же, тронутые жалким положением разоренных войною хрюкцев, в участи которых принимали участие и все соседи, взамен обещанной ахтынцами горы, принадлежавшей Хрюку, дали им селения: Гогаз, Усур и Каку, как ближайших соседей 1-го участка.

Примечание 6. Тоже гораздо отдаленнее времени прихода русских в край селения Ялах и Лудкун принадлежали рутульцам, но до того были притесняемы пахтою, что обратились к ахтынцам с просьбою о присоединении их к 1-му участку провинции. Так как ахтынцы, ссылаясь на то, что и без того уже приобрели 3 селения от рутульцев (см. прим. 5), отказали им в просьбе, то селения те прибегнули к покровительству Сурхай-хана Казикумухского, которого рутульцы побаивались и который поэтому беспрепятственно присоединил те селения к своим владениям. Вначале он отправил в Ялах своего наиба с нукером, и тот наиб довольно долго управлял жителями тех обоих селений, а впоследствии поселил в Каке двух своих родных братьев, которых потомство и до сих пор проживает в Каке. (Некоторые льготы, которыми потомки эти пользуются и теперь относительно Ялаха и Каки, конечно, вам известны). Тут начало да и конец, пожалуй, влияния казикумухских ханов на Самурскую провинцию (по крайней мере, как я ни добивался, чтобы узнать, какое они имели влияние на край, ничего из этого не вышло).

Примечание 7. Во всех пунктах Самурской провинции, в которых были суды по разбору дел о крови, за получением присужденного удовлетворения шел не сам истец, а посылал векила, который при этом получал еще с обвиненного уже в свою пользу одного быка.

Примечание 8. Во всем крае война решалась не аксакалами, а обществом, и если общество решало вести с кем-нибудь войну, то правители не имели права препятствовать решению, а должны были только принять на себя распорядительность в военных движениях как люди, выбранные по уму, добросовестности и опытности.

Примечание 9. Микрах часто воевал с Ахтами, и хотя каждый раз помогали ему все селения Алтыпаринского участка, но это не было делом обязательным, а делалось только как бы из уважения к микрахцам, которых алтыпаринцы считали своими старшими братьями.

Примечание 10. Во время одной из самых ожесточенных войн мискинджинцев с ахтынцами первым помогал весь токузпаринский участок, а последние обратились за пособием к Сурхай-хану казикумухскому и Умму-хану хунзах-авар-скому. Война кончилась тем, что Мискинджи были сожжены дотла. Это случилось 85 лет тому назад и было гораздо прежде присоединения Каки и Ялаха к Казикумухскому ханству.

Примечание 11. Бывали случаи, когда по поводу войны дружно соединялись все участники Самурской провинции, до того нередко воевавшие один с другим. Так, например, 28 лет тому назад они все воевали с русскими в Нухинском уезде и самой Нухе, а еще прежде того – с нухинским ханом.

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 4, д. 10, дл. 1—19.

Предположительно датируется 50—60-ми годами XIX в.

Автор неизвестен.

О Кайтаге (Уркарахское наибство)

1. Тухум и в Кайтаге называется тухумом (и в Кубачах).

2. Права и обязанности главы тухума и выбор в главы – то же, как и в Табасарани.

3. Тухум имеет название издревле. Но тухумы иногда изменяли свои названия по главе тухума, когда глава этот чем-либо отличался в народе (более храбростью и сопротивлением постороннему влиянию на деревни). Например, сильный тухум в Уркарахе – Канцеляры (ляр – множественное число) называется еще тухум Хаджи-Мамед-кадия (умершего в 1867 г.).

Хаджи-Мамед-кадий – человек был способный и притом духовное лицо, имел сильное влияние не только на Уркарах, но на весь Верхний Кайтаг (исключая Каракайтаг). Он был главою многочисленного тухума в Уркарахе – Канцеляров. На бывших народных собраниях близ Уркараха, на месте, называемом Ая (собственное название; около этого места, при дороге, стоит высокий камень), Хаджи-Мамед-кадий имел всегда за собою больше голосов. Он принадлежал к числу людей, желающих быть независимыми как в отношении русских, так и в отношении управляющего Кайтагом, потерявшего в последнее время почти все влияние на горцев за сношение с русскими. Хаджи-Мамед-кадий был во главе сопротивлявшихся в Уркарахе нашему отряду в 1854 г. После неудачи при сопротивлении

Хаджи-Мамед-кадий бежал. Когда старшины со всех верхних деревень явились в отряд и присягнули на верность нам, то с тех пор Хаджи-Мамед-кадий несколько потерял свое влияние на народ и смирился. Наконец, после взятия Шамиля сам сознал бесполезность сопротивления русским и принял предложение в 1862 г. быть окружным кадием в окружном суде, которым был до смерти, до 1867 г.

По смерти Хаджи-Мамед-кадия в тухуме Канцеляров не осталось замечательного чем-либо члена. Теперь глава Канцеляров Халил-бек, старшина в деревне, не отличается особыми способностями. Из этого тухума и другой старшина в Уркарахе-Абабакар.

Кроме Канцеляров в Уркарахе сильные тухумы – Султанай и Ибрагим-Магомед.

В сел. Чишили сильный тухум Джанкаляры (от Джанки, родственника Рустам-хана уцмий); из этого тухума старшина кевха Шамхал Кульби; в этом тухуме глава Магомед-Али.

В сел. Каракурейше – тухум Маани; из этого тухума старшина Али-бек – человек, который пользуется большим уважением как в Каракурейше, так и в окрестных деревнях.

В сел. Калкни – тухум Супни, глава тухума – Амма; из этого тухума в окружном суде кандидат в депутаты от Уркарахско-го наибства Ахмед-кади. Ахмед-кади отличается способностями: знает адаты, памятлив, ловок, исполнительен в поручениях. Об этом тухуме предание, что он разбогател после поражения персиян в ущелье Гапкай (ниже Калкни, по дороге в сел. Чум-лы); из отбитых вьюков у персиян два верблюда, нагруженные золотом, вошли в дом предков Ахмед-кадия. Тухум этот считается первым по богатству в Мюра. Из этого тухума старшина в Калкни – Магомед.

Другой сильный тухум в Калкнях Ковна – собственное имя, глава тухума – Реджеб.

В сел. Дибгашах – Калталяры (богатый и многолюдный); из этого тухума старшина Мима и кадий в деревне Магомед.

В сел. Зубанчах – Хонджаляры, глава Али и Овчиляры (охотники); в этом тухуме глава Паша – почетный человек.

В Сурхачах – Капна, глава тухума старшина Рабадан.

В Кишья – Вишталяр, глава тухума Абдурахман-кадий, деревенский кадий, человек очень почетный, у него хранятся уцмиевские адаты; из этого тухума старшина под тем же названием – Вишталяра; Каба – Муртузалияры – глава Каба Гасан (прежде был старшиной), из этого тухума старшина Хаджи Ахмед; Нуграды-Ахмедляр, глава тухума Хаджи Муса, сын которого старшиною; Омилюлар (глава Гасан); Цубала – Магомед, глава Юсуп.

В сел. Харабуке: Циди Магомед, глава кевха Гасан. Кимиляр, глава Рабадан Молла Гамза; из этого тухума письмоводитель при наибе Абдулла-кадий.

В Кубачах первый тухум Акайлы-Али. Из этого тухума наиб в Кубачах Абдул-Кафар. Этот тухум возвысился после одного человека Акайлы-Али, по которому теперь и называется. Акайлы-Али отличался военными доблестями, в особенности в походе аварского хана Умахана [Умму-хана] в Грузию; слава, приобретенная им в этом походе, сохранилась и до сих пор. Около Кубачей есть камень, на котором высечены имена храбрых, погибших в этом походе в Грузию. Кубачинцы участвовали в походах аварских ханов по приглашению. К этому тухуму и уцмий имели большее уважение. В их тухуме наследуют право быть избранным в кубачинские узбаши (наиб), первое лицо в сельском управлении. Другие сильные там тухумы: Ягья-Аба-кар; из этого тухума старшина Ягья-Абакар; тухум этот происходит от одной пленной грузинки⁴³, члены его возвысились чрез богатство, приобретенное торговлею. Коджала Шахбан (старшина Шахбан); в этом тухуме глава Магомед-Али, теперь старшина; тухум этот тоже от пленной грузинки и возвысился через торговлю. Дебир-Хаджа, Юнус-Абакар, Сокур-Омар (слепой Омар), Уама-Ахмед, Оублю Омар – это древние тухумы, пользовались когда-то сильным влиянием и почетом в деревне, но теперь обеднели, через что и падает их значение.

Теперь по богатству в Кубачах отличаются: Туханчик Ибрагим (духанщик), Кута-Гасан (кута – замок к ружью, Гасан – замочных дел мастер), Абдул-Кафар, Паша, Абдул-Джалил, Ягья-Абакар, Магомед-Али, Абдул-Рашид.

4. С какой степени прекращается принадлежность к тухуму? Прекращения принадлежности к тухуму в обычае нет. Тухум поддерживается тем, что преимущественно они женятся на членах своего же тухума; связь родства постоянно возобновляется. Женитьба из двух различных тухумов бывает только в исключительных случаях, когда нет собственной пары в своем тухуме. Обычай жениться на своих в особенности строго сохраняется в больших тухумах.

В Кубачах с 4-го колена принадлежность к тухуму не считается обязательной.

Степени родства на кайтагском наречии:

Отец – атта, мать – аба; дед – аттала-атта, бабушка – аттала-ава; далее выражает высшую степень повторения: аттала, аттала.

Сын – дарга, дочь – дурей; внук – даргала-дарга, внучка – дургили-дурси; правнук – даргали или даргали-дарга, правнучка – дургили, или дургили-дурса.

Брат – утцы, сестра – рутцы, брата сын – утцыла-дарга, утцала-дурги, сестры сын – рутцила-дарга, руттили-бурси.

Дядя – аттала-утци, тетка – аттала-рутци, со стороны отца; со стороны матери: дядя – абала-рутцы, племянник – утцы-кар, племянница – рутцы-кар.

На кубачинском языке:

Отец – атта, мать – аба; дед – аттала-ата, бабушка – авала-аба; далее прибавление: аттала, авала.

Сын – гал, дочь – уссе; внук – чалагага, уссела-уссе; далее повторение: гала, уссела.

Брат – утце, сестра – хотце; племянник – гала-утце, племянница – хотце-уссе; дядя – аттала-утце, тетка – аттала-хотце; сын дяди – аттала утцела-гал, атали-ютцали-уссе.

5. Тухумов, пользовавшихся наследственно правами на общественное управление, нет, если не считать обычая выбирать старшину деревни преимущественно из одного тухума; допускается старшина из другого тухума в таком только случае, если в тухуме прежнего

⁴³ В Кубачах есть несколько тухумов, происходящих от плененных женщин. Эти тухумы кубачинцы называют пороченными и не имеют к ним должного уважения; через У колен опороченный тухум пользуется уважением наравне с другими тухумами, т. е. делается непорочным.

старшины нет способного человека. Из этого можно заключить, что у них в отношении старшины было полунаследственное, полувыворное начало. (По смерти старшины на сбор для погребения его холк (народ) тут же назначает старшину из его тухума, иногда и не сына, а более способного человека, но преимущественно из этого же тухума). Сильные тухумы имели влияние на общественное управление через старшин из своего тухума и через большинство голосов на общественной сходке.

6. От тухума отделяют более за распутную жизнь, чем за воровство и убийство, что не считается постыдным поступком. Самому от тухума нельзя отделиться, или это считается бесчестным. Порядок отделения от тухума следующий: в присутствии родственников объявляют виновному, что он более не их тухума, и за поступки его они не отвечают, и за кровь его в случае убийства его не будут искать, в чем составляют бумагу, которую прибавают к стене в мечети. В то время когда уцмий управлял Верхним Кайтагом и жил в Каракурейше, отделение от тухума происходило в присутствии его и бумагу, свидетельствующую об этом, прибавляли к стене мечети в Каракурейше. Отделение от тухума случается очень редко. Лет 20 или 30 тому назад был случай отделения от тухума в Харбуке, но родственники отделенного вскоре после отделения убили его.

У. Деревнями управляли старшины; они же были и судьями вместе с кадием. Брачные наследства разбирали кадий один. По делам маловажным (отдельной личности) окончательное решение постановляли старшины и приводили в исполнение через своих помощников, кильми (тулгаков), а в Кубачах – чины; дела же более важные разбирались на общей сходке почетными лицами, выбираемыми на сходке же пред разбором; решения их приводились в исполнение старшинами чрез кильми и чины. Место сходки – мечеть, около которой для этого устроена особая сакля. Для разбора спора между двумя деревнями собирались на Урта-лыг (место вне деревень, назначенное заранее для сбора двух спорящих обществ), где выбирали почетных людей с обеих сторон, решали дело и объявляли решение народу. Члены сельского управления получали вознаграждение различно. Кадий – в Уркарахе со двора по 2 сабы хлеба, в Кишья – по 1 сабе, в Харбуке – для кадия из другой деревни по 10 коп. серебром со двора, а кадию из своей деревни ничего не платили, в других деревнях совсем ничего не платили кадию и он жил доходами за исполнение духовных треб; в мюринских деревнях – по 1 сабе.

Старшины особой платы не получали, а пользовались одними штрафами. В Кишья У штрафов – в пользу старшин, а У – в пользу кильми (тулгаков, надсмотрщиков полей и помощников старшин при исполнении какого-либо решения). В Уркарахе старшины и штрафов не получали, а весь штраф шел в пользу кильми. В Харбуке если штраф не превышал более 4 руб., то он делился: У – старшинам, а У – кильми; если же он превышал более 4 руб., то половина его шла в общественную сумму, для воспомоществования бедным, а У разделялась между старшинами и кильми. В остальных деревнях штраф преимущественно делился наполовину между старшинами и кильми. В Кубачах такой же обычай, как и в Харбуке: У штрафов собиралась в общественную сумму (из которых давали бедным и лицам, посылаемым к начальству по общественным делам), а У делилась между старшинами чины (тулгаки). Кроме того, кильми брали за потраву штраф – от чурека и 1 са (киля) хлеба до сабы, что шло в их непосредственную пользу.

8. Старшины главных селений не имели никакого значения для селений других деревень⁴⁴. Ежели нужно собрать народ, то деревня, которой в том предстояла необходимость, писала об этом бумагу, которую разносили по всем деревням, и народ собирался. Всякий мог написать такую бумагу и послать по деревням.

⁴⁴ Старшины сел. Кубани имели прежде влияние на свой магал Ганк (деревни Амузгя, Ширия и Сулевкент), разбирали даже их жалобы и брали штраф, но влияние это утратили, и если из тех деревень являются к ним, то как за советом.

9. Постоянным местом народных сборищ магалов Танк, Гапш и Мюра было близ Уркараха, на месте, называемом Ая. По сборе народ выбирал из среды себя почетных лиц, которые отходили в сторону, судили, решали и объявляли народу. Народ всегда решениям их повиновался.

Другое место для сборища народа было Семей, ниже Маджамка; но собрание туда народа принадлежало одному уцмию. Туда сходились люди со всего Кайтага. Это было, когда нужно избрать уцмю или поднять народ на сопротивление общему врагу.

10. О порядке избрания в уцмии в памяти народа мало сохранилось сведений. Помнят, что право надевать шапку на избираемого уцмю принадлежало предкам киркинца Омара. Одни говорят, что на избираемого уцмю предки Омара надевали свою шапку; другие, что для этого у уцмю была особенная шапочка. После избрания уцмий угощал народ, давал подарки почетным лицам.

11. Власть уцмю когда-то была неограниченна; он имел право на жизнь, производил сам и через своих нукеров суд и расправу, назначал преданных ему лиц в управляющие деревнями⁴⁵ (узбаши). Это было вначале, по завоевании Кайтага. Со временем исчезло из памяти народа воспоминание о завоевателе, горные деревни стали стремиться к независимости и приобрели ее. Чтобы поддержать свою власть силой, у уцмиев ее не доставало. Поэтому они стали поддерживать свое влияние подкупам (подарками) влиятельных лиц. Раздор между членами уцмиевского дома совершенно уничтожил их значение как правителей в горах. На призыв уцмю народ охотно собирался только во время избрания в уцмию, надеясь на хорошее угощение, и во время грозящей опасности, при нашествии внешнего врага, по чувству самосохранения.

С падением действительной власти уцмиев в Кайтаге уменьшалось и их материальное благосостояние: не вносили сбора произведений⁴⁶, не платили штрафов, и только у уцмиев оставался незначительный сбор баранами (ясак) с пастбищных мест на горах и плоскости. Уцмии сами и через своих нукеров поддерживали свое благосостояние хищничеством, производимым преимущественно на большой Дербентской дороге, ограбляли там караваны или брали с них большую пошлину и покрывали поддержку деньгами из Персии (в Персию ездили Башлипер-Габак и Усамикентер, Мама-Ках).

По праву завоевания уцмии присвоили в свое непосредственное распоряжение все свободные земли, в чем им население не сопротивлялось по неимению надобности в них, по неразвитию хлебопашества. Терекеме была ненаселена⁴⁷. Уцмии вызвали туда татар из-за Дербента, поселили их и, как своих подвластных, защищали от других хищников⁴⁸, брали с них хлеб, сено, которое раяты доставляли в горы, в резиденции уцмиев в Каракурейш, Уркарах, а потом в Маджалис и Янгикент.

В Маджалис и Янгикент уцмии переселились в половине прошлого столетия, вынужденные к тому, кажется, как нерасположением к их власти горцев, так и экономическими условиями жизни; они с собой переселили из ущелья Джугуткатта евреев. Два брата, Устархан и Эмир-Гамза, поселились: первый – в Янгикенте, последний – в Маджалисе. После этого переселения, по преданию, сильнее поднялся раздор между потомками Устархана и Эмир-Гамзы за уцмиевское достоинство, так что иногда было два уцмю: башлинцы,

⁴⁵ Например, в Кубачах из тухума Абдул-Кафара уцмии назначали узбаши, названного впоследствии наибом. Абдул-Кафар говорит, что назначение в узбаши зависит прежде от уцмю.

⁴⁶ Говорят, все кайтагцы горные вносили в пользу уцмю дагьяк холстом и др. произведениями.

⁴⁷ Северная часть Терекеме до Уллу-чая принадлежала башлинцам, от Уллу-чая до Дарвах-чая – каракайтагцам и урджамильцам, от Дарвах-чая до дербентской границы – табасаранцам.

⁴⁸ Уцмюми заселена Терекеме, 6 деревень в Маджалисском ущелье, селения Тумалляр, Янгикент и Чумлы, частью пленными (горные деревни), частью выходцами из Дербента по приглашению в Маджалис и Янгикент; много так называемых чагар.

гамринцы и часть магалов Уцмидарга выбирали в уцмии из дома Устар-хана ян-гикентского; кайтагцы, урджамильцы и деревни по Уллу-чаю – из дома Эмир-Гамзы маджалисского.

В таком положении застают власть уцмия в Кайтаге русские. В 1818 г. уцмий Адиль-уцмий просит русский отряд в Башлы для наказания не повинующихся ему башлинцев и его родственников. Русские являются в Башлы (Пестель), но испытывают неудачу, уцмий оказывается в неловком положении к населению, как виновник призыва русского отряда в Башлы. Чтобы заслужить расположение народа, Адиль-уцмий изменяет нам, вооружает народ против нас, за что в 1820 г. Ермолов уничтожил уцмиевское достоинство и установил Башлинское наибство. Адиль-уцмий бежал в Аварию. В башлинские наибы стали назначать из дома маджалисских уцмиев. Волнения в 1834 г. заставляют снова передать власть над всем Кайтагом в руки потомков уцмиев, что и делают, назначив сына Адиль-уцмия, Джамов-бека, управляющим всем Кайтагом. Но вольные горные общества совсем не хотели его признавать своим управляющим, старшины к нему не являлись, и Джамов-бек собственно не управлял Кайтагом, а только наблюдал за ним и препятствовал по возможности разбойничьим шайкам производить разбой на большой почтовой дороге. Для поддержания его значения в крае было совершено движение отряда в 1856 г. в Уркарах, селение, более других виновное не только в непризнании над собой власти Джамов-бека, но в открытом сношении с Шамилем, передерживании у себя непокорных горцев и снабжении их хлебом и солью. Поход в Уркарах возвысил значение управляющего в магалах Ганк, Гапш и Мюра, старшины стали являться по требованию его и выставили в его распоряжение 60 человек нукеров. Джамов-бек назначил своего сына Ахмед-Пашу управлять этими магалами. Энергичный, смелый и решительный Ахмед-Паша насильно вмешивался в дела населения, решал жалобы и не задумывался приводить их в исполнение силою с своими нукерами, так что его стали бояться и слушаться. Башлинцы тоже после этого похода стали слушаться Джамов-бека и выставили нукеров. Но каракайтасы, урджамильцы, Каттаган и Шуреканту оставались по-прежнему в совершенно независимом положении⁴⁹ исключая некоторых лиц из старшин, являвшихся к Джамов-беку получить подарок⁵⁰, да голодных урджамильцев, никогда не пропускавших случая являться скопом в Маджалис к Джамов-беку поздравить его с праздником Курбан-Байрамом и покушать досыта плову, которого для них приготавливали вдоволь.

Падение Шамиля заставило черное население больше обратить внимание на управляющего Кайтагом, как, по их мнению, союзника русских, которые покорили неприступные горы и взяли непобедимого Шамиля; стали чаще являться к управляющему почетные жители с засвидетельствованием ему их почтения. Открытие Окружного управления в Ерсях, боязнь подпасть под непосредственное управление русских имеют такое влияние, что старшины стали более обращаться к управляющему Кайтагом через Окружное управление и по возможности исполнять их поручения. Вместе с тем управляющие почувствовали себя сильнее, стали налегать на исполнение их требований, грозя призывом русского войска на непокорных, что дало им возможность собрать первые подати, совершить действие, немислимое несколько лет тому назад.

12. Из этого видно, что не было определенных каких-либо прав и обязанностей у уцмиев: где их слушались (раятские деревни) и где они могли силою заставить их слушаться, там они действовали неограниченно, что хотели, то и делали, убивали людей, если не открыто, то через своих нукеров, на дороге или где-нибудь из засады, распоряжались имуществом раятов, как своим, раяты ни в коем случае не могли отказать ни в чем⁵¹; где их

⁴⁹ И не хотели слушать о нукерах к Джамов-беку.

⁵⁰ Баршамаевский старшина Рамазан, отличавшийся отвагой и потому имевший значение в народе, получил от Джамов-бека за его правление 5 лошадей.

⁵¹ Тут они были, как беки.

не слушались и могли силою оказать им сопротивление, там они поддерживали свое влияние подкупам, и власть их выражалась тем, что подкупленный старшина являлся с наружной покорностью к уцмию. Были случаи, что в последнее время исполнялись в узденских частях через подкупленного старшину незначительные требования уцмиев, но как исключения. Не будет большой погрешности, если назвать управление уцмиев на Кайтаге до прихода русских совещательным, а с приходу, с 20-х годов, – наблюдательным, по нашему поручению, под именем управляющего Кайтагом⁵².

13. В еврейских слободках никакого сельского управления не существовало: слободский чоуш был в распоряжении нукеров бека, и евреи испытывали от них всякие обиды и притеснения; нукеры чинили над ними суд и расправу

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 4, д. 14, лд. 1-12.

Последняя дата в тексте – 1867 г.

Об авторе – поручике Сотникове – сведений обнаружить не удалось. Ясно только, что он являлся одним из служащих царской администрации, так как его описание выделяется среди других материалов о дагестанских тухумах ярко тенденциозной окраской.

⁵² Вместе с тем было наблюдение за уцмием – в лице управляющего Нижним Кайтагом, называвшегося прежде помощником управляющего Кайтагом.

Кюринский округ (бывш. Кюринское ханство)

1. Тухум (по-лезгински и по-агульски) обнимает всех родственников без ограничения степеней, происходящих от одного предка.

2. Главою тухума не всегда считается старший в роде: в большинстве случаев главенство приобреталось и приобретается богатством, умом и другими личными качествами. Главенство, кроме почета и уважения со стороны прочих членов тухума, не соединено ни с какими признаваемыми правами, и если в редких случаях личности с сильным характером распоряжались почти деспотически своим тухумом, то в большинстве других случаев за главою тухума признавалось только право подачи совета или наставления, которых исполнение, впрочем, не было обязательно, так что неисполнивший наказывался много-много что общим неодобрением.

3. Обязанности членов тухума относительно друг друга заключались в нравственной и материальной поддержке, и то в ограниченном числе случаев, как, например, в делах по кровомщению, уплате штрафов, податей и т. п. Помощь обедневшим членам не считалась обязательною, хотя отказ в ней каждый раз осуждался народным мнением.

4. Названия тухумов ведутся издревле, большею частью от имени родоначальника; в редких случаях тухумы приобретали названия и по каким-либо случайным обстоятельствам, а есть и такие тухумы, происхождения названий которых решительно не могут объяснить. Перемена названия тухума, как и его разделение, не в понятиях народных, и если случалось, что при многочисленности тухум как бы дробился на части, то все они сохраняли общее название.

5. Названия степеней родства⁵³

а) на кюринском (лезгинском) языке:

отец – баба

мать – дэдэ

сын – хуа

дочь – руш

дед – чихи-баба

бабка – чихи-дэдэ

брат (одних родителей) – хейн-сытха

сестра (одних родителей) – хей-вах

племянница (по брату) – сытха д ын – руш

племянник (по сестре) – вахан-хуа

брат (разных родителей) – дахай-сытха

сестра (одних родителей) – дахай-вах

дядя (по отцу) – ими

тетка – эмэ

дядя (по матери) – халу (в число членов тухума не входил)

тетка – хала

племянник (по брату) – сытхадын-хуа

племянница (по сестре) – вахан-руш

внук, внучка – хтул

⁵³ Свойственники, если они из другого тухума, не считаются членами тухума, с которым роднятся. То же относится и к их детям.

б) на агульском языке
отец – дад
мать – бай
сын – г (д) эда
дочь – руш
дед – эха-дад
бабка – эха-бау
брат – чу
сестра – чи
дядя – а'дад
тетка – а'бау
племянник (ца) – чивхари (ра)

6. Никому отделяться по своей воле из тухума не позволялось, но тухум был вправе исключать недостойных членов. В таких случаях после обсуждения старейшими и почетнейшими членами тухума поведения изгоняемого избирался какой-либо случай многолюдного стечения народа, и здесь главой тухума публично объявлялось исключение, которое влекло за собою лишение помощи и покровительства тухума. Принятие изгнанного вновь в недра тухума могло произойти только после убеждения старейшин в его исправлении и по принесении пред ними полного и чистосердечного раскаяния.

У. Особых привилегированных тухумов, пользовавшихся наследственными правами относительно общественного управления, не было, но случалось, что некоторые тухумы (см. ниже) вследствие приобретенного общего уважения или по праву сильного наследственно поставляли своих членов на должности старшин.

8. Особенно замечательные тухумы:

а. В сел. Курах: М и р ч и а р. Из этого тухума с незапамятных времен избирался главный Курахский старшина (кёв-ха), имевший большое влияние на окрестные селения. Каким образом приобретено такое значение курахского старшины, неизвестно, но оно существовало до Надир-шаха и укреплено народным адатом.

М а н ч а р а р. Из него тоже постоянно избирались курахские старшины (в Курахе старшин несколько), но этот тухум не имел такого значения, как предыдущий.

Т а х э р. Славился богатством и способностями.

К а д и л я р. Из него до Юсуф-хана ханы избирали себе кадиев, от чего произошло и название тухума.

б. В Гельхане: К а б у л я р. Известен по уму и способностям своих членов; из него до настоящего времени избираются старшины деревни.

в. В Ашаре: Ч и р а х л я р. Отличался богатством и храбростью.

г. В сел. Цнал: Б у р г а н-т у х у м. Постоянно пользовался почетом и расположением ханов. Во времена узденские один из членов этого тухума, по имени Халиф (в сел. Кура), по своему уму и честности пользовался таким почетом у окрестных жителей, что его постоянно приглашали для решения важных споров и тяжб. С тех пор из этого тухума постоянно избирался цнальский старшина, который даже во времена ханов пользовался влиянием на окрестные селения.

д. В сел. Хутарг: Б е й б у т-т у х у м. Предки этого тухума со времен узденских постоянно занимали места хутаргских старшин. Хутаргский старшина пользовался всегда большим почетом и влиянием почти на всю Котур-Кюру и имел право разбирать везде более важные дела.

В Архитах: К э д а г а-т у х у м, отличавшийся многолюдством.

е. В Захитах: Н е б и л я р и Р а м а з а н а р. Оба славились храбростью и занимали постоянно места старшин в этих селениях, где даже вошло в обычай отличать одно от другого по имени старшин: Захит-Неби, Захит-Таирбек.

ж. В сел. Цмур: М е л и ш а р. Родоначальник этого тухума, Мелиша, в молодости был известен как знаменитейший вор; говорят, будто по этому обстоятельству Сурхай-хан постоянно назначал из этого тухума судей по воровским делам.

з. В сел. Кабир: К у р у д ж н а р. Славился в былое время храбростью и смелостью (в особенности в деле воровства). Из этого тухума происходит настоящий котур-кюринский наиб Али-Хаджи-Нурали-оглы.

К а з а г л а р. Ведет начало со времен Надир-шаха от некоего Казаха, который пользовался большим уважением у шаха. С тех пор члены этого тухума весьма часто занимали общественные должности.

и. В сел. Хпик: Ц а х а р. Из него до настоящего времени избираются старшины этого селения.

й. В сел. Бутхент: С а л м а н а р, он же Ш е й д а я р, теперь почти исчезнувший. С древних времен пользовался большим уважением в народе, хотя никто не помнит, какие именно обстоятельства доставили тухуму такое уважение. Известно только, что и ханы жаловали этот тухум.

к. К а р т а с л я р – в двух Картасах, Испике и Касумкенте (в последнем более известны под именем Ягубханар) – выходцы из Карса, отчего и получили название: Карсляр, изменившееся впоследствии в Картасляр. Тухум этот весьма многолюден и в былое время был очень силен. Народная память сохранила имя Рза-хана, который во время нашествия Надир-шаха, когда этот последний забрал в плен арахских евреев, бывших раятами Рза-хана, отправился один к Надир-шаху и этою смелостью так расположил его к себе, что добился освобождения своих раятов.

л. В Маграмкенте: М а н а т а р, или М а л а т а р – выходцы из турецкого местечка Малатия, от чего произошло название тухума. Известен умом, ученостью и благочестием.

м. В Верхнем и Среднем Стале: П и р л я р, по-лезгински П е р е р. Пользуется издревле правами наследственной святости, подтвержденными неоднократно грамотами персидских шахов и турецких султанов, до сих пор тщательно берегаемыми.

н. П е р е р в сел. Гильяр (не имеет ничего общего с предыдущим). Прежде очень сильный тухум, известен был ученостью и считался таким же святым, как и стальский.

9. До ханов селения управлялись старшинами (по-лезгински кёвха), избиравшимися обществом преимущественно из одного какого-либо рода (см. выше, в исчислении тухумов). Обязанности старшин заключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своем селении, и в последнем случае они должны были призывать для разбирательства нескольких почетнейших стариков (аксакалов). По решениям таких судов старшины могли штрафовать виновных и даже разорять их дома. С течением времени старшины селений Курах, Хутарг и Цнам приобрели такое влияние на прочие селения своих магалов, что им единственно предоставлялось право разбора более важных дел, как, например, кровных, по увозу девушек и т. п. Время от времени они объезжали окрестные селения и вместе с аксакалами творили суд и расправу. Старшины никакого вознаграждения за свою службу не получали, исключая старшин трех названных селений, которым при примирении кровных врагов убийца или виновный давал по одному быку. Исполнители и глашатаи решений старшины – чоуши, также избиравшиеся обществом, получали вознаграждение, или заранее определенное общественным

приговором, или же смотря по щедрости каждого хозяина дома. Вообще же содержание чоушей производилось натурою: зерном, мукою, медом, сыром. Для решения дел по шариату в каждом селении существовали муллы, избиравшиеся обществом из грамотных

людей. Некоторые из них получали зекат, другие же из мулл пользовались только известной частью при разделе имущества между наследниками.

Такой порядок сельского управления хотя и был ослаблен при ханах влиянием поставляемых ими назырей, а впоследствии наибов, но существовал почти неизменно до Юсуф-хана, который не только отнимал права у курахских, цнальских и хутаргских старшин, предоставляя их иногда старшинам других селений, но часто назначал старшин в селения по своему усмотрению (до него ханы только утверждали избранных обществом) и вообще обратил старшин в простых исполнителей своих и наибских распоряжений.

10. Обсуждение дел, касавшихся целого селения, происходило на общей сходке, собиравшейся обыкновенно возле мечети. Дела решались большинством голосов, но по большей части случалось так, что сильные влиятельные тухумы брали верх. Более важные дела, относившиеся до целого магала, обсуждались собраниями выборных от каждого селения. Собрания эти, куда, впрочем, не возбранялось приходить и всякому желающему, происходили в известных, освященных обычаем местах, а именно: курахцы собирались на площадке выше сел. Курах, называемой «Ярги-Келядых» («Высокая башня»); котур-кюринцы – у родника возле дороги из сел. Цнал в сел. Захит, на месте, называемом «Руат»; гюнейцы, картасцы, сталчелейцы и гёгджинцы – на горе Каляк. Со времен ханов собрания эти прекращаются.

11. Евреи кюринские – переселенцы из табасаранского сел. Карчаг. Обыкновенно подчинялись властям, какие существовали в местах, где они селились. Для решения же дел между собою евреи избирали старшину – насси и высшего духовного учителя и судью – доян. В прежнее время доян был один для всех евреев – в Дербенте; впоследствии же, когда численность евреев увеличилась, нашли необходимым избрать еще одного дояна в Араге.

Южная Табасарань⁵⁴

1. Род, фамилия – во всей Табасарани называется тухум, под которым разумеется то же, что и в Кюринском ханстве.

2. Главою тухума считается старший летами. Права и значение его те же, что и в Кюре.

3. Отношение членов тухума друг к другу, как в Кюре.

4. Название тухума ведется издревле и происходит или от имени предка, или делается по его ремеслу, занятию, должности, качествам, по месту происхождения и по другим обстоятельствам. Происхождение же имен некоторых тухумов совершенно неизвестно. Перемена названия тухума ни разу не встречалась.

5. Названия степеней родства на капганском языке:

отец – аба

мать – паб

дед – аху-аба

бабка – аху-паб

сын – бай

дочь – рыш

внук, внучка – хтул

дядя (по отцу) – э(ое)ми

тетка (по отцу) – э(ое)ма

дядя (по матери) – халу

тетка (по матери) – хала

брат (по матери) – чфи, чу

сестра (по матери) – чи

племянник (ица) по брату – чу-чум-бай, чучун-рыш

племянник (ица) по сестре – чи-чиы-бай, чичин-рыш

двоюродные братья, сестры – эмичин-бай, – рыш халу-бай, – рыш

6. Выделение из тухума было невозможно, но тухум пользовался правом изгнания недостойного члена, что производилось таким же образом, как и в кюринских тухумах. Впрочем, в Табасарани существовал адат, по которому всякий недовольный своим тухумом забирал свое имущество и отдавался под покровительство майсума, кадия или какого-либо сильного тухума (по местному выражению: на жизнь и на смерть; нечто вроде кабалы); отделившийся таким образом хотя и пользовался своим имуществом, но не мог его отчуждать, и в случае его смерти без наследников мужского пола имущество поступало в пользу покровителя. Наследники оставались в тех же отношениях к покровителю. Изгнанные из тухума тоже прибегали к этому адату.

7. Смотри ниже, в ст. 8.

8. Замечательнейшие тухумы:

а) В сел. Хив: С е й д а р, получивший название от имени предка Сеида, бывшего первым старшиной из этого рода. Этот тухум постоянно сохранял право наследственного занятия должности старшины в сел. Хив, был в большом почете во всей Табасарани и имел громадное влияние не только на общественные дела, но даже и на выбор кадия.

⁵⁴ Цифры, выставленные в начале параграфов, соответствуют таким же в описании Кюринского ханства.

- б) В сел. Кувьк: М о л л а л я р. Славился ученостью.
- в) В сел. Кандык: А х с а к а л л я р. Постоянно занимал места старшин в селении.
- г) В сел. Ляхля: Ч и г а р (он же К е в х а л я р). Из него избирался всегда старшина этого селения.
- д) В сел. Хирдаг: Ш и х а р. Почитался по своему происхождению от шейха.
- е) В сел. Зильдик: П и р а р. Пользовался правами патентованной святости.
- ж) В нижнем Яраке: Б а ч н а р, называвшийся по имени предка; славился умом и храбростью.
- з) В сел. Куркент: Л е г е р а р и.
- и) В сел. Нютюг: К у р а р; выходцы: первый – из кубинской деревни Легер, а второй – из кюринского сел. Кура; оба известны были по богатству, хлебосольству и уму.
9. То же, что и в Северной Табасарани.
10. То же.
11. В пользу майсума и кадия со стороны народа делались ежегодные взносы, а именно: Майсуму давали деревни Нитрихского магала по 1 саба пшеницы с дыма; деревни Дырча – и Сувак – магалов по 1 киле пшеницы и по ложке масла с дыма.
- Кадию с поименованных магалов полагалось то же, что и майсуму; сверх того северо-табасаранский магал Харах давал ему по 2 кили пшеницы и по ложке масла и магал Кухурик по 3 кили пшеницы и по ложке масла с дыма. В раятских же деревнях платили кадию или майсуму душарлык и отбывали натуральные повинности.
- Записывал со слов курахца Кёлди-Османа, кабирца Хаджи-Нуралия, хутарца Хаджи-Сеида, цнальского Аббил-Эфе-ди, сеидкентского Кёлхи-Газара, мамрашского Султана, наибов котур-кюринского Али-Хаджи-Нурали-оглы и табасаранского Мирза-Гассана-Абдулла-Эфенди-оглы и нескольких стариков анул-кошанцев и табасаранцев.

Алексей Цветков.

29 января 1869 г.

ЦГИА ГрузССР, ф. 416, оп. 4, д. 17, лл. 1–5.

Датируется 1869 г.

Автор – Алексей Цветков, окружной медик Кюринского округа. Других сведений о нем обнаружить не удалось.

Сведения о Табасарани

1. Тухум и во всей Табасарани называется тухумом.

2. Глава тухума – старший в роде, но бывает исключение: первенство в тухумах приобретают личными достоинствами или богатством нестаршие в роде.

Право главы тухума на его членов более совещательное; его спрашивают, когда нужно женить или выдать замуж, купить или продать; после убийств и поранений он устраивает примирение и угощение; следит за членами своего тухума, наставляет или делает замечания. Ежели член тухума не послушает, то глава не принимает никаких против него принудительных мер, а оставляет его на произвол. Так было прежде и продолжается до сих пор.

3. Тухумы имеют название издревле.

Замечательные тухумы. В Ханаге: Ц а г ц а г а р; из этого тухума теперь нет значительных членов; тухум этот приобрел известность через большое число своих членов и храбрость.

М о л л а л я р: возвысился через ум и грамотность; из этого тухума теперь письмоводитель при наибе Абдул-Селим, отец которого был во главе восставших в 1856 г.

В Ругудже: Г у с е й н-б а й; тухум этот издревле уважается в Табасарани⁵⁵; из этого тухума всегда выбирался старшина в сел. Ругудже; старшина ругуджский вместе с старшинами селений Храх и Хив (Южной Табасарани) управляли Табасаранью и производили суд и расправу над табасаранцами (см. ниже); из этого тухума теперь старшина в Ругудже Шехсин.

В Хурике: И л ь д и н-б а й; из этого тухума теперь нукер Байрам-бек.

К е л ь д ы к а н л я р, М и с т и к а н л я р; из этого тухума теперь старшина кевха Гуль.

В сел. Пилиге: Ш и м н и н; из этого тухума нукер Сафар-Шяхбан-Курбан-оглы.

В сел. Худжнике: М а х ц а р (Абакар, диванный член); И с м и л л я р (молла Реджеб-нукер).

В Дюеке: И л ь д и н-б а й; из этого тухума подпоручик Муртуз, известен услугами нам во время сбора первых податей. Еще там большие тухумы: К у р л я р, Ц у х а й л я р.

В Халаге: К а р л я р (старшина Рамазан), М о л л а-Х а л и л (нукер Паджа); в Куми: К а р к а л л я р (молла Молла-Али, ранен во время гасикского дела); в Кюрах: К е в х а н л я р (старшина Гавеч); в Сикуге: Дабканляр (старшина Нур-Магомед); в Сартиле: К е в х а-Р я с у л л я р (старшина Пирадж).

Все эти тухумы известны по большинству своих членов.

Так как в раятской Табасарани тухумы не имели никакого значения на общественное управление, то они здесь и не упоминаются; там все зависели от бека.

4. Степеней родства, когда прекращается принадлежность к тухуму, не имеется; родство поддерживается тем, что преимущественно они женятся на членах своего же тухума, поэтому связь родства в тухуме постоянно возобновляется. Женитьба из двух различных тухумов бывает только в исключительных случаях, когда нет соответственной пары в своем тухуме. В особенности обычай жениться на своих сохраняется в сильных тухумах.

Степени родства на горно-табасаранском языке:

По восходящей линии: отец – авай, мать – бав; дед – ахи-авай, бабушка – ахи-бав; далее нет особых названий, а выражается прибавлением слова ахи – старший, ахи-ахи – самый старший.

По нисходящей линии: отец – авай, мать – бав; сын – бай, дочь – риши, внук – хутул, внучка – хутул⁵⁶. Побочные линии. Восходящая: отец – авай, мать – бав; брат отца – эми

⁵⁵ Первый тухум в Табасарани.

⁵⁶ Хутул-бай, хутул-риши.

(дядя), отца сестра – эмей; сестра матери – халай, брат матери – халу; племянник – имирин-бай, племянница – имирин-риши, или халрин-риши, халаин-бай. Нисходящая: отец – авай, мать – бав, брат – чви, сестра – чи.

В раятской Табасарани: на тацком языке, которым говорят в Геммейдах, Бильгады, Задган, Митяги, Кемах:

По восходящей линии: отец – эбей, мать – май; дед – баба, бабушка – наня; прадед – келе, прабабушка – келе-наня.

По нисходящей линии: отец – эбей, мать – май; сын – кук, дочь – тухтар; внук – кук-неве, внучка – тухтар-неве; далее – нетедже (к обоим родам), еще далее – нефиле.

Побочная линия (по восходящей): отец – эбей, мать – май, брат отца – эми, тетка – эме, сестра матери – хала, брат матери (дядя) – хулу; племянник – геде-эми, племянница – тухтар-эми.

Побочная линия (по нисходящей): отец – эбей, мать – май, брат – бра, сестра – хувар, племянник – бразерее, племянница – хулазере.

На азербайджанском языке⁵⁷:

По восходящей линии: отец – ата, мать – ана; дед – баба, бабушка – наня, прадед – биюк-баба, прабабушка – биюк-наня.

По нисходящей линии: отец – ата, мать – ана; сын – огол, оглон, дочь – кизи; внук – неве, оглунина-оглы, внучка – кизневе, кизни-кизы; правнук – нетидже (в обоих родах), далее – нефиле.

Побочная восходящая линия: отец – ата, мать – ана; брат отца – эми, сестра отца – баби, брат матеря – дай, сестра матери – хала, сын брата отца, дочь брата отца, дети сестры отца – баби-оглы, баби-кизи.

Побочная нисходящая линия: отец – ата, мать – ана, брат – кардаш, сестра – баджи, племянник – кардаш-оглы, кардаш-кизи (от сестры), баджи-оглы, баджи-кизи.

Из этого наименования степеней родства видно, что только ближайшие степени имеют свои собственные названия, и чем далее удаляется степень родства, тем более принимаются названия из азербайджанского языка, в особенности в тацком (тацкий язык заметно исчезает, только старики знают его хорошо, а молодежь многая не знает, больше говорят на азербайджанском языке). Обязанности членов тухума. Они спрашивают совета у главы тухума, когда нужно женить или выдать замуж, купить или что продать и т. п., как означено во 2-м пункте.

5. В горной (узденской) Табасарани более важные дела⁵⁸ решались на общей сходке. На сходках этих сильные тухумы имели влияние так, что дела решались в большинстве случаев в их пользу; если и обвинялся член большого тухума при очевидности преступления, то наказание было возможно слабое, зато слабому тухуму пощады не было. (Какие тухумы имели сильное влияние на сходках, поименованы в 3-м пункте). Тухумы эти, за исключением старшин селений Ругуджа, Храх и Хив, особых прав на сходках не имели, кроме большинства голосов.

6. До сих пор не было примеров (т. е. не помнят) отделения от тухума; но в народе существует по этому поводу следующее предание: от тухума самому члену отделиться нельзя, или это считается бесчестным; если же кто отделится, то на него не обратят внимания. Когда же захотят отделить от тухума, то ему объявляют в присутствии значительных членов тухума, что они не хотят признавать его членом своего тухума⁵⁹; особых обрядов при отделении от тухума не соблюдалось.

⁵⁷ Азербайджанский язык – господствующий в Табасарани, в особенности в раятской; высшее сословие, беки знают только один азербайджанский язык, несмотря на то что из раятских деревень только четыре – Маграга, Мугамы, Эмиль и Дарвиг – населены татарами.

⁵⁸ По убийству, значительному воровству, по общему вооружению (восстанию).

⁵⁹ Не отвечают за его поступки и не будут претендовать на его наследство.

У. Деревни управлялись старшиной и муллою; старшина решал дела по адату, а мулла – по шариату (по наследству, брачные). Недовольный решением старшины отправлялся к одному из главных трех старшин (селений Ругуджа, Храх и Хив), тот решал по адату и сообщал решение свое старшине для исполнения. Для приведения решения в исполнение в деревне были и теперь есть помощники старшины (чоуши). Старшина называется кевха, чоуш – бакавул. Кроме того, есть надсмотрщики полей, которые тоже принадлежат к сельскому управлению; надсмотрщики эти называются: в узденъ Табасарани – кизиль (в раят Курухчи). Кевха и бакавулы были наследственны, а кизильяры – выборные. Кевхи и бакавулы от общества никакой платы не получали, а кизильяры – по 1 или У сабы ячменя или пшеницы со двора за летнее время, кроме того, в их пользу шел штраф за потраву (в первый раз – чурек, во второй – кия ячменя или пшеницы, в третий – саба хлеба, высший штраф). Сельские старшины штрафов не брали, исключая если истец, выиграв дело, сам давал, – что они разделяли с бакавулами. Решения старшины имели действительную силу на ответчика, когда большинство деревни решению этому сочувствовало, в противном случае надо было обращаться к трем главным старшинам. Некоторые сельские старшины, вместо кевхи, носили название ахи-сакалы; из ахи-сакалов был известен ханахский ахи-сакал (отличавшийся даром слова), который имел влияние на весь Кухрикский магал и сам собирал этот магал на общую сходку независимо от других магалов. (Сын этого ахи-сакала теперь старшина халагский Рамазан)⁶⁰.

8. Кроме упомянутого выше халагского ахи-сакала в узден-ской Табасарани были три главных старшины (ахи-кевха) – старшины селений Ругуджа, Храх и Хив (Южной Табасарани), которым подчинялся и халагский ахи-сакал. Старшины эти, как и все, были наследственны. Собственно говоря, они управляли узденскою Табасаранью, а табасаранский кадий имел очень слабое влияние на управление узденями. Без них никто не мог собрать народ на общую сходку. Они после совещания между собою сообщали народу цель сбора и назначали место для сбора. Места народных сборищ были следующие: Харба-куран (ниже сел. Татия); Ханик – площадь впереди сел. Ханага, Куркариндаграк – выше Хушней, к стороне сел. Кюрюх; Бакантыль – в середине Кухрикского магала, близ сел. Кувлиг; Уршарик – между селениями Хурсиль и Бухнах; Хума – между селениями Храхом, Шиля и Худжиником Чехтиль-Сувакс-кого магала Южной Табасарани – ниже сел. Фергиль; Гюни-Рацарих – выше сел. Гучтыль (Дыргынского магала Южной Табасарани); Гарзиг – между Кугом и Яршлем (Южной Табасарани); Чалакарин Дагран – между селениями Яриком и Чалаком (Южной Табасарани). Главные старшины собирали народ, когда нужно было произвести общее восстание или для разбора дела по важным убийствам, прелюбодеяниям, грабежам и большим воровствам; решения их приводились в исполнение на месте разбора, виновный штрафовался: за убийство – 6 штукаами рогатого скота⁶¹, а за прелюбодеяние, грабежи и воровство – менее, до 1 штуки. На сборах этих сильные тухумы имели влияние по большинству членов; преступник из большого тухума подвергался меньшему оштрафованию, чем слабого тухума. Кроме означенных штрафов, главные старшины никакого вознаграждения от обществ не получали.

Из числа трех главных старшин каждый имел право разбирать жалобу явившегося один и сообщал свое решение в деревню для исполнения. Решение главного старшины ни в каком случае нельзя было нарушить или не исполнить; односельцы виновного обязаны силой при-

⁶⁰ Все это относится до узденской Табасарани; в раятской Табасарани деревнями управляли сами беки, производили суд и расправу, брали штраф от 1 до 3 быков или буйволов, смотря по степени виновности, но всегда штуку скота, хотя [бы] за маловажное преступление; в раятских деревнях нет старшин, а старшинами называются чоуши, которые сами не разбирали жалоб, а только приводили в исполнение решение бека или его нукеров; нукер бекский имел большее значение в деревне, чем старшина.

⁶¹ 1 штука скотины – трем главным старшинам, 1 – их бакавулам и 4 – для народа.

вести решение главного старшины в исполнение. По этому поводу рассказывают случай в сел. Хурико: лет 30 тому назад один из хуринцев не исполнил решение главного старшины, за что по приказанию старшины зажгли его дом; за поджог дома восстали родственники виновного, произошла в селении драка, кончившаяся убийством 5 человек и сожжением У домов родственников виновного.

При каких обстоятельствах и как приобрели власть означенные три головные старшины, в памяти народа не сохранилось. Надо полагать, что при каких-нибудь исключительных случаях старшины из селений Ругуджа, Храх и Хив, отличавшиеся личными качествами, были выбраны народом решить случавшийся между ними спор, что удержали за собою в последующих спорах; потом право это перешло и к их наследникам. Верно и то, что старшины эти приобрели значительную власть, когда стало падать значение табасаранского кадия.

9. Ответ в предыдущем параграфе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.